

КОРОЛЕВСКИЙ
ДВОР
В АНГЛИИ
XV—XVII веков

Pax Britannica

Коллектив авторов

**Королевский двор в
Англии XV–XVII веков**

«Алетейя»

2015

УДК 94(410) "14/16"
ББК 63.3 (4Вел)

Коллектив авторов

Королевский двор в Англии XV–XVII веков / Коллектив
авторов — «Алетейя», 2015 — (Рах Britannica)

Коллективная монография рассматривает английский королевский двор конца Средневековья и раннего Нового времени в его институциональном, политическом, инструментальном и церемониальном проявлении. Несмотря на кажущуюся разноплановость этих феноменов придворного микрокосмоса, доминируют, как показано в работе, объединяющие их моменты, создающие целостную картину развития властных структур в указанный период.

УДК 94(410) "14/16"
ББК 63.3 (4Вел)

© Коллектив авторов, 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

Предисловие	5
Концептуализация власти: королевский двор в исторической перспективе	7
А. А. Паламарчук	7
С. Е. Федоров	19
Морфология власти: королевский двор в институциональном пространстве английской монархии	30
Е. В. Бакалдина	30
Регламент «Черная книга Эдуарда IV»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Королевский двор в Англии XV–XVII веков

Под редакцией С. Е. Фёдорова

Посвящается Нине Александровне Хачатурян

Предисловие

Идея опубликовать эту монографию была неслучайной. С одной стороны, среди выпускников кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского университета сформировалась группа молодых, талантливых ученых-англоведов, сохранивших в неизменном виде свой аспирантский интерес к придворным исследованиям. Каждый из них, движимый уже самостоятельными изысканиями, тем не менее, остался верен своим исходным начинаниям. Это означало, что намеченный еще на исходе прошлого столетия план придворных изысканий в СПбГУ продолжает реализовываться. В его основе по-прежнему лежит вполне объяснимое желание исследовать сложившийся к началу эпохи раннего Нового времени феномен английского королевского двора и оформившегося в его рамках придворного сообщества. При этом на плечи каждого из аспирантов ложилась вполне определенная задача. Понятно, что в рамках сжатой по срокам кандидатской диссертации сама проблематика работы ограничивалась не только кругом доступных, как правило, опубликованных источников, но и уровнем разработанности тематики в современной западной историографии.

Тогда в конце 1990-х годов среди наших западных коллег уже бытовало мнение, что раннестюартовский двор был результатом длительных трансформаций, начавшихся в политической организации английского общества конца XV в. Значительная часть ученых поддерживала известный тезис Т. Таута о том, что в результате своеобразной «демилитаризации» ближайшего окружения монарха началось формирование сугубо «гражданских» форм его внутренней организации. Означавшие, помимо прочего, институциональную «оседлость» двора, строгое разделение его хозяйственных и церемониальных служб, такие формы определяли самое существо уже протекавших в раннее Новое время процессов. Так или иначе, но под влиянием Таута сложились наши представления о временных рамках намеченного проекта исследований, в котором дворы Эдуарда IV и Якова I Стюарта должны были составить своеобразные временные пределы.

С другой стороны, продвигаясь по пути реализации самой цели этого проекта, мы неизменно нуждались и по счастливому стечению обстоятельств получали весомую поддержку. Стремясь сохранить свое собственное лицо и критический взгляд на работы коллег и предшественников, мы испытывали потребность не только в апробации полученных результатов, но и продуктивной научной дискуссии. Открытость диалога с медиевистами и специалистами по раннему Новому времени воспринималась как жизненно необходимое условие для успешной работы. Было бы трудно предположить, кто, если бы ни Нина Александровна Хачатурян, мог организовать такую сложную работу. На протяжении последних без малого пятнадцати лет Нина Александровна возглавляет исследовательскую группу «Общество и власть», которая регулярно на базе Московского университета проводит научные конференции, так или иначе, отталкивающиеся от проблематики королевского двора. Объединяя таким образом само сообщество отечественных «придворных» историков, она заметно активизирует и направляет их работу.

Посвящая написанную нами монографию доктору исторических наук профессору Нине Александровне Хачатурян, мы хотели бы выразить тем самым признательность за создание и

организацию принципиально важного для нас и очень комфортного пространства для научного диалога.

Концептуализация власти: королевский двор в исторической перспективе

А. А. Паламарчук

«Светило, сияющее лишь отраженным светом»: стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора

О восхитительная жизнь при дворе, где возможности для удовольствий столь велики, как если бы это был рай на земле. Величие государя, мудрость советников, достоинство господ, красота дам, предупредительность слуг, воспитанность джентльменов, богослужение утром и вечером, остроумные, ученые, благородные и приятные беседы целый день, разнообразие шуток и глубина суждений, меню из яств, изысканно приготовленных и изящно сервированных, тонкие вина и редкостные фрукты, превосходная музыка и восхитительные голоса, маски и пьесы, танцы и верховая езда, всевозможные игры и загадки, вопросы и ответы, поэмы, истории и поразительные изобретения, богатые одежды, драгоценные украшения, гармоничные пропорции и возвышенные устремления, роскошные экипажи, породистые лошади, королевские дворцы и удивительные здания, обворожительные создания и достойные манеры. И все эти прелести, окруженные атмосферой любви, погружают дух в пучину удовольствия.

Николас Бретон. Придворный и провинциал¹

*Мы при дворе найдем мздоимство и вражду,
Гордыню, похоть, зависть и божбу,
Банальность и чужим грехам потворство,
Пустую ложь и низкое притворство².*

Джордж Уизер. Britain's Remembrancer

Приведенные выше цитаты иллюстрируют две противоположные оценки двора современниками: первая представляет монарший двор без преувеличения раем на земле; вторая если и не приравнивает двор к аду, то указывает на придворную жизнь как на верный путь, ведущий к гибели.

Разумеется, для любого исследователя, осознающего важность реконструкции суждений современников для создания полноценной картины изучаемого им периода или явления, ничто не было бы столь ценным материалом, как рассуждения англичан тюдорово-стюартовской эпохи – периода, когда королевский двор не только становится исключительным центром политической и культурной жизни страны, но и претерпевает целый ряд внутренних трансформаций.

Однако в этих ожиданиях историки британской монархии раннего Нового времени вынуждены жестоко разочаровываться: вплоть до правления первых Стюартов рефлексия

¹ Breton N. Courtier and Countryman // The Works in Verse and Prose of Nicolas Breton: In two vols. Vol. II. London, 1879. P. 5.

² The Court is fraught with bribery, with hate With envy, lust, ambition and debate, With fawnings, with fantastic imitation With shameful sloth and base dissimulation. Wither George. Britain's Remembrancer. London, 1628.

современников по поводу королевского двора как социального и административного феномена ограничивалась, как правило, или сугубо этическими оценками придворной жизни, или приобретала форму трактатов-наставлений, следующих традиции, заложенной «Книгой о придворном» Бальдассаре Кастильоне³. Ситуация меняется с развитием конституционного конфликта 1640-х годов и, парадоксальным образом, именно с последствиями произошедших изменений в оценке роли двора историкам приходится иметь дело по сей день.

Представляется, что именно политический конфликт, перешедший затем в вооруженное противостояние внутри страны, повлиял на то, что в глазах большинства современников королевский двор перестал быть органичным «продолжением» или «развертыванием» персоны монарха, пользуясь популярной метафорой – перестал быть «светилом, сияющим лишь отраженным светом».

Раскол политической элиты на группировки, получившие у современников названия «партия двора» и «партия страны» (весьма условно применимые к реальному разнообразию политических и конфессиональных альянсов), побуждал непосредственных участников конфликта, а также первое поколение историографов Гражданской войны мыслить о дворе иначе, чем прежде. Если ранее слово «придворный» указывало либо в строгом смысле на обладателя придворной должности, либо в более широком – на человека, следующего определенной поведенческой модели и близкого монаршему окружению, то конец 1630-х годов вносит в эту картину еще один элемент. Разумеется, принадлежность к «партии двора» подразумевала (особенно в глазах оппонентов) узнаваемый этос, однако, прежде всего, вызвала ассоциации со столь же легко узнаваемыми политическими и властными приоритетами и моделями.

В контексте изучения эволюции «придворных» исследований важно следующее: с развитием конституционного конфликта конца 1630-х – начала 1640-х годов «двор» начинает восприниматься как отдельная политическая группа, которая не просто стремится к удовлетворению собственных амбиций, но претендует на то, чтобы оказывать влияние на развитие всего общества. Меняется и представление о неразрывном единстве монарха и его двора. Спектр возможных трактовок, предлагаемых современниками, был весьма обширен, однако оппозицией весьма широко тиражировалась следующая картина: «партия двора», стремящаяся к изменению устоев английской конституции и не скрывающая своих прокатолических симпатий, воздействует на политические устремления короля, которому отводится весьма пассивная роль. При этом речь шла уже не о средневековом «влиянии дурных советников», но о влиянии враждебной и чуждой остальному обществу политической и конфессиональной среды. В устах оппозиции с «партией двора» прочно ассоциировались как высшие административные органы – прежде всего Тайный совет монарха, так и совершенно, казалось бы, «непридворные» институты, такие как, например, прерогативные суды – Звездная палата и Высокая комиссия, то есть та сфера, где вырабатывались неприемлемые для будущих сторонников Парламента решения.

В подобной перспективе уже не монарх являлся творцом своего окружения и «двора», а наоборот – «партия двора» создавала и развивала политическую и идеологическую программу, к которой в итоге примыкал король.

Пагубность влияния этой среды как на монарха, так и на общество не сводилась для современников лишь к распространению порочных нравов. Еще в яковитский период сатира (далеко не всегда рождавшаяся в ультра-пуританских кругах) подвергала двор критике не только за то, что в глазах современников он оказывается центром потребления средств и ресурсов, получаемых за счет «страны», тем самым лишая необходимых средств и возможностей тех, кто непричастен «придворной» среде. Наиболее весомым упреком, озвученным, скажем, в произведениях Майкла Драйтона или Томаса Миддлтона было то, что двор виделся им осо-

³ Starkey D. The Court: Castiglione's Ideal and Tudor Reality: Being a Discussion of Sir Thomas Wyatt's Satire Addressed to Sir Francis Bryan // Journal of Warburg and Courtauld Studies. 1982. Vol. 45. P. 232–239.

бой, самостоятельной группой, разрушавшей «подлинно английскую» патерналистскую модель отношений внутри общества. (Можно было при этом делать акцент на отношениях между монархом и общиной его подданных, между монархом и парламентом, между монархом – главой Церкви Англии и верующими или же, на другом уровне, на отношения между главой семейства и остальными его членами. В любом из этих случаев придворная среда, зиждившаяся на нестабильных и изменчивых связях личного патроната, требовавших для их поддержания постоянного личного присутствия, вложения немалых средств и приложения усилий, заслуживала порицание со стороны тех, кому не посчастливилось к ней принадлежать)⁴. Парадоксальным образом, на конструируемой оппозиционной пропагандой политической сцене именно «партия двора» оказывалась активной действующей стороной, провоцировавшей конфликт, в то время как «страна» с ее постулируемой стабильностью и здоровым консерватизмом должна была олицетворять приверженность древним основам английской конституции.

Вопрос о том, насколько обозначения «партия двора» и «партия страны» соответствовали политическим реалиям, а также в какой степени возможно говорить о действительном противостоянии этих двух группировок, все еще является темой для историографической дискуссии. Воспринятая у современников-полемистов идея противоборства двух лагерей до середины XX в. занимала прочные позиции в работах исследователей Гражданской войны⁵ и была подвергнута критике ревизионистской школой⁶. В развернувшемся в Англии конфликте К. Рассел и его последователи усматривали не столько противостояние двух «партий»-антагонистов, сколько гораздо более сложный клубок персональных и групповых конфликтов. При анализе ситуации первостепенное значение для ревизионистов приобретал структурный и инструментальный анализ событий и источников, в то время как субъективные оценки и концепции, пусть и восходящие к современникам событий, отходили на второй план и подвергались переосмыслению. Действительно, продемонстрированная ревизионистами неустойчивость группировок (как парламентских, так и придворных), эволюция политических приоритетов участников конфликта в зависимости от конкретных ситуаций побуждала исследователей отказаться от использования двухчастной модели и восприятия «двора» и «страны» как противостоящих констант. Тем не менее, оба понятия широко использовались современниками и, несомненно, являли собой вербализацию представлений о складывании внутри элиты политических альянсов, скрепленных чем-то большим, нежели династические, конфессиональные, национальные или корпоративные узы.

Обрисованную выше картину обогащают наблюдения над феноменом королевского двора, принадлежащие перу Д. Юма. Разумеется, на страницах его «Англии под властью дома Стюартов» собственно «придворная» тематика ни в коей мере не является самостоятельным предметом описания, анализа или последовательной рефлексии. Но, тем не менее, шотландский философ делает несколько важных наблюдений, к которым историки вновь обратятся лишь во второй половине XIX в. и позднее, уже в XX столетии.

Как и большинство своих предшественников, прежде всего, подобно лорду Кларендону, Юм сохраняет представление о дворе как «политической среде», а также и традиционное противопоставление «двора» и «страны», «провинции». Однако Юм открывает, что эта среда не однородна внутренне: двор подвержен исторической динамике. Речь идет не только о «лучших» или «худших» нравах его обитателей.

⁴ Sharpe K. *Criticism and Compliment: The Politics of Literature in the England of Charles I*. Cambridge, 1987; Smuts R. M. *Court Culture and the Origins of a Royalist Tradition in Early Stuart England*. Univ. of Pennsylvania Press, 1999.

⁵ Zagorin P. *The Court and the Country: a Note on Political terminology in the Earlier Seventeenth Century* // *The English Historical Review*. Vol. 77. N 303. April 1962. P. 306–311.

⁶ *Court, country and culture. Essays on Early Modern British History* / Ed. by B. Y. Kunze, D. D. Brantigan. New York, 1992; *Conflict in Early Stuart England* / Ed. by R. Cust, A. Hughes. New York, 1989.

Разнообразные факторы, такие как личность монарха и его пристрастия, внутри- и внешнеполитические условия, конфессиональная ситуация, личное и административное влияние тех или иных придворных – все это, в глазах Юма, делало двор Елизаветы Тюдор непохожим на двор Якова I, а двор Карла I – на двор его сына Карла II. Юм, разумеется, не сосредоточивается на динамике изменений придворных институтов или должностей – этого придется ожидать еще почти полтора столетия, но демонстрирует изменчивость и подвижность придворной среды (ее большую или меньшую политизированность, большую или меньшую зависимость происходящего при дворе от монарха и т. д.).

Следующее наблюдение, которое Юм делает как бы мимоходом, касается роли двора в развитии общества, и прежде всего – нобилитета. Реконструируя и сравнивая политику Елизаветы Тюдор и Якова Стюарта в отношении знати, Юм, предвосхищая в некотором отношении мысль Норберта Элиаса, отмечает, что двор может использоваться государями как эффективный политический и социальный инструмент, средство управления и даже манипулирования знатью. «Приманить знать ко двору монарха, вовлечь дворян в дорогие удовольствия или занятия, губительные для их состояния, усилить их зависимость от министров через присутствие в столице, ослабить их влияние в провинции через жизнь вдали от собственных поместий – таковы обычные прием деспотических правительств»⁷. Юм отмечает также, что для самих монархов взаимозависимость между ситуацией при дворе и состоянием дел в стране была очевидной, а то, как пользоваться возможностями этой взаимосвязи, зависело от политической воли каждого государя.

Наконец, Юм косвенным образом отмечает соединение в жизни двора двух «измерений» – сферы политической и публичной, с одной стороны, и «приватной» сферы жизни монарха – с другой. Он полностью отходит от средневекового представления о сакральном теле короля, любые действия которого публичны с необходимостью. В то же время эта «приватная» сфера не приравнивается к происходящему в королевском хаусхолде, домовом хозяйстве; Юм видит возможность сосуществования в рамках одного и того же двора монарха-правителя и монарха – частного лица, наделенного собственными уникальными личностными характеристиками.

Масштабный нарратив Юма и созданные им трактовки событий долгое время оставались непревзойденным явлением британской исторической мысли. Кажется, что именно в силу насыщенности и оригинальности юмовского труда многие сюжеты и наблюдения (в частности, относительно двора), рассеянные по его тексту, если и были замечены, то не были развиты или переосмыслены.

Следующий этап в эволюции придворных исследований приходится уже на середину XIX столетия, когда историческая наука Британии переживает подлинный взлет, связанный с направлением, которое впоследствии получит название «вигской историографии». Употребление этого термина в отношении направления в исторической науке середины XIX-рубежа XX столетий стало общепринятым после выхода в свет книги сэра Герберта Баттерфилда «Вигская интерпретация истории» (1931). Говоря о «вигской историографии»⁸ Баттерфилд, разумеется, не имел в виду некие «заказные» сочинения, написанные по инициативе политической партии вигов, находившейся на политической арене Британии с конца XVII до середины XIX в. Речь, скорее, шла о том, как принципы и убеждения, общие для нескольких поколений вигов и симпатизировавших им англичан, нашли свое выражение в исторических трудах и во взглядах их авторов на исторический процесс в целом. В немалой степени вигская историография была связана с рождением и развитием политического либерализма, позитивистской философией, классическим англиканским богословием и протестантской этикой. Характерно для виг-

⁷ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов: В 2 т. / Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 2001. Т. 1. С. 113.

⁸ Butterfield H. The Whig Interpretation of History. London, 1931.

ского направления было видение истории как направленного прогрессивного процесса, стремление выделять в нем «прогрессивные явления», восприятие переломных моментов истории как революций, внимание к теме политических и гражданских прав и свобод, а также – что было немаловажно для концептуализации истории Англии – отождествление протестантизма с либеральными ценностями, несущими благо всему обществу⁹.

Наконец, всему вигскому направлению был свойственен очевидный презентизм: подлинные критерии «прогресса», мера свобод и прав обнаруживались в современном авторам обществе, равно как и нормативные модели политической и социальной организации. События, явления и структуры прошлого, таким образом, поучали оценку, лишь подвергнувшись сравнению с современными образцами. С другой стороны, характерное для XIX столетия восприятие феноменов (прежде всего, связанных с политической сферой, например, политические партии, роль Парламента, ограниченная монархия и т. д.) транспонировалось на гораздо более ранние периоды Средневековья и раннего Нового времени: повествование о прошлом велось в категориях настоящего, притом в категориях политических.

Нетрудно догадаться, что для историков вигской школы – Маколей, Карлайла, Актона и Тревельяна (завершившего маколеевскую традицию) и др. – тема королевского двора и придворной жизни не могла оказаться сколь-нибудь серьезно значимой. Поскольку двор XIX столетия не являлся важным административным или политическим институтом, продолжая выполнять свои репрезентативные функции и функции королевского дома, хаусхолда, сюжеты, связанные с его существованием в Средние века не слишком занимали историков-вигов.

Если открытием авторов XVII в. стала политическая наполненность жизни двора, то вигская историография, продолжая традицию своих пропарламентски настроенных интеллектуальных предшественников, дала этой политической среде однозначную оценку, которая на протяжении долгого времени не подвергалась сомнению и отчасти продолжает тиражироваться и сегодня. Практически все, связанное с двором, оценивалось критически; более того, нечастые упоминания о придворной среде становились поводом для яркой негативно окрашенной риторики. Подобное отношение к придворной теме формировалось у историков-вигов благодаря рефлексии о двух эпохальных событиях: Гражданской войне в Англии и революции 1789 г. во Франции. В обоих случаях прологом, если не непосредственной причиной гражданского конфликта виделся произвол монарха, его приближенных и фаворитов, их чрезмерные запросы и траты, беспринципность в действиях, безразличие к судьбам страны и т. д.; местом же творившихся непотребств был, разумеется, королевский двор. События, разворачивавшиеся при дворе, в характеристиках вигов оказывались не «политикой» или «управлением» и даже не допустимой борьбой за власть, а их извращенной до неузнаваемости версией. При дворе, в отличие от общества, существующего за его пределами, не было места фундаментальным ценностям, правам и свободам – двор существовал по своим собственным законам, антиподам нормы.

Первым среди вигской школы такой образ двора представил Томас Маколей в его «Истории Англии с восшествия на престол Якова II»; (1848); Томас Карлайл реализовал опыт Маколей на французском материале во «Французской революции», а наиболее подробно его подытожил внучатый племянник Маколей Джордж Тревельян в «Англии при Стюартах» (1904) и «Истории Англии» (1923).

Рассуждая о средневековой монархии¹⁰, Маколей предлагает читателю следующую двухчастную схему: в средневековом английском государстве власть принадлежит, с одной стороны, монарху, наделенному рядом прерогатив и феодальных прав; он, кроме того, создает

⁹ Sewell K. C. Herbert Butterfield and the Interpretation of History. Basingstoke, 2005. P. 30–35; The Diversity of History: Essays in honor of Sir Herbert Butterfield / Ed. by J. H. Elliott, H. G. Koenigsberger. Cornell University Press, 1970; McIntire C. T. Herbert Butterfield: Historian as Dissenter. Yale University Press, 2004.

¹⁰ Macaulay Th. B. Macaulay's History of England from the Accession of James II. London, New York, 1906. P. 1–29.

и поддерживает сеть светского и церковного патроната. Параллельно существует английская «конституция» – система прав, законов и обычаев, порождаемая самим духом английской нации и делающая английскую монархию «ограниченной» или «конституционной» с незапамятных времен. В этой модели при ее нормальном функционировании, с точки зрения Маколея, и скорее по умолчанию двору отводится скромная роль хаусхолда – домашнего хозяйства короля, призванного обеспечивать его умеренные, очень «конституционные» нужды. Как политический локус двор выходит на первый план только в те моменты, когда нарушается равновесие в государственной жизни.

Джордж Тревелиян приводит еще более обстоятельный анализ событий, разворачивавшихся при елизаветинском, яковитском и каролинском дворах. Он развивает мысль Маколея о том, что разрастание и возвышение двора являлось ярким симптомом неизбежного кризиса в стране. Деспотизм Тюдоров нарушил равномерное развитие средневекового государства, низведя роль представительства, то есть Парламента, традиционного защитника интересов английского народа и инициатора перемен, к минимуму. За время правления такого сильного монарха, как Елизавета Тюдор, Парламент перестал расцениваться современниками как трибуна для отстаивания собственных интересов или интересов страны, а политическую дискуссию стало невозможно вести обычным способом. Поэтому общество начало искать иное место и иные способы осуществления своих целей – таким местом и оказывался двор. Если в «нормальной» ситуации Парламент служил ареной для урегулирования отношений между обществом и властью, «public affairs», то двор был местом, где преследовались лишь частные интересы, а политическую дискуссию подменяла частная интрига.

Правление Якова I – по мнению Тревелияна, бездарного и слабого монарха – было для Англии началом быстрого скатывания в революционный кризис, а средоточие власти при дворе знаменовало крах прочих административных институтов. «Английская политика, – писал Тревелиян, – основывалась в тот момент на персональных связях более, чем когда-либо прежде и в будущем»¹¹. Двор был полон выскочек и нуворишей, которым король щедро раздавал титулы за деньги. Впоследствии именно они станут «профессиональными придворными», а с началом войны превратятся в закоренелых роялистов. Такое положение вещей виделось историкам-вигам гораздо более порочным, чем если бы управление осуществлялось теми, кто обладал этим правом по наследству (средневековая знать) или же бюрократией, как бы ни были велики недостатки системы в обоих случаях. Настоящим бедствием двора представляли всесильные фавориты монарха, вроде Карра и Бэкингема, в то время как люди, наделенные талантом и совестью (среди таковых Тревелиян называет Бэкона, Сесила, архиепископа Эббота и даже, скрепя сердце, Кока) либо терпели крах, либо были вынуждены идти на компромисс с совестью. Двор, таким образом, был средством отдалить от управления страной всех мало-мальски «совестливых и способных людей».

Период доминирования вигской историографии так и остался бы почти непродуктивным для изучения двора, если бы не возникшая в конце XIX столетия критическая реакция на выдвигаемые вигами идеи и методы работы с историческим материалом. Речь идет о развитии направления административной истории, у истоков которого стояли епископ Уильям Стаббс (с 1889 г. – епископ Оксфорда) и Томас Фредерик Таут¹².

В определенном смысле и вигские нарративы, и «административные» истории исходили из одного и того же интереса к государственно-правовым аспектам жизни общества, однако именно Стаббсу и Тауту удалось – вполне осознанно – отойти от явного презентизма, столь характерного для вигской школы. В 1920 г. Таут так охарактеризовал ситуацию в исторической

¹¹ Trevelyan G. M. England under the Stuarts. London, 1948. P. 110.

¹² Blaas P.B.M. Continuity and Anachronism: parliamentary and constitutional development in Whig historiography and the anti-Whig reaction between 1890 and 1930. The Hague, 1978.

науке середины – конца XIX столетия: «Естественная для человека погруженность в настоящее привела к тому, что мы начали изучать прошлое с мыслями, полными современных стереотипов. В Средневековье мы искали то, что было важно для нас, а не то, что было важно для людей того времени»¹³. Путем преодоления презентизма и модернизаций для административной истории было детальное изучение механизмов управления, а следовательно – пристальное внимание ко всему комплексу сведений, которые могли предоставить имеющиеся в распоряжении источники, восходящие к центральным и локальным административным институтам, в том числе и к придворным департаментам. Не ставя под сомнение важность собственно политической, «парламентской» истории вигов, первооткрыватели истории административной обращали внимание на то, что история взаимоотношений монарха и представительства – лишь один из сегментов исторического спектра, а вот «механизмы управления работают всегда и везде»¹⁴, и при этом они многообразны и многолики. Политическая жизнь изменчива, она может принести революции и катастрофы; структуры управления устойчивы и консервативны.

Неоценимой заслугой административной истории было открытие значения средневекового королевского хаусхолда. Особая роль в этом открытии именно средневекового двора принадлежит Стаббсу. В разделе его «Конституционной истории Англии», посвященном правлению нормандской династии, он показывает, что ближайший круг домашних короля одновременно представлял собой «первоначальный элемент управления государством»¹⁵. Стаббс анализирует номенклатуру и пытается реконструировать обязанности известных ему должностей, связанных с королевским домохозяйством, но, что более важно, указывает на то, что одна и та же персона – юстициарий, констебль, чемберлен – сочетала в себе две ипостаси: королевского слуги и администратора. Стаббс не только проводит аналогии между хаусхолдом нормандцев в Англии XI–XII вв. и более ранними аналогами в каролингской империи, германских землях и в самой Нормандии, но и прослеживает дальнейшее развитие (или отсутствие таковой) административной составляющей должностей хаусхолда. Однако Стаббса все же гораздо сильнее привлекала история более масштабных административных учреждений.

Т. Ф. Таут в полной мере компенсировал лаконичность своего учителя в отношении придворных структур, представив в масштабном труде «Очерки административной истории средневековой Англии: гардероб, королевская палата, малые печати» (1929) детальнейшую картину развития названных придворных служб. Таут демонстрирует, что хаусхолд средневекового монарха – это, прежде всего, инструмент реализации его персональной власти; придворные службы – особенно пространственно и физически близкие к королю, такие как гардероб и службы малых печатей – наиболее гибкий и контролируемый монархом административный инструмент¹⁶.

Именно через такого рода службы явственнее всего реализуется персональная воля монарха, становясь своеобразным «противовесом» более публичным и официальным службам казначейства и канцелярии. Таут также ставит вопрос о том, насколько очевидным и политически обусловленным было размежевание между монархом и контролируемым им хаусхолдом (*hospicium*) и публичными государственными структурами (*regnum*), датируя это разделение правлением Эдуарда II.

В отличие от Стаббса и Таута, А. П. Ньютон применил идею развития придворных служб и должностей, прежде всего королевской палаты, к материалу раннетюдоровской эпохи. При этом елизаветинский и тем более раннестюартовский двор оставались практически без внимания.

¹³ Tout T. F. Chapters in the Administrative History of Medieval England: In 6 vols. Manchester, 1929. Vol. 1. P. 2.

¹⁴ Tout T. F. Chapters in the Administrative History of Medieval England. P. 5.

¹⁵ Stubbs W. The Constitutional History of England in Its Origin and Development: In 3 vols. London, 1903. Vol. 1. P. 371.

¹⁶ Tout T. F. Chapters in the Administrative History of Medieval England. Vol. 1. P. 10–31.

Итак, благодаря административному направлению двор перестает быть «средой» – он становится административным институтом, обретает структуру и функции, он наполнен уже не обобщенной массой «придворных», но носителями должностей. Более того, двор на страницах «административных» историй – если, разумеется, воспринимать двор как место средоточия и распределения власти и влияния – рождается задолго до появления двора как политической или культурной среды; оказанное им влияние на формирование административных институтов средневековой Англии гораздо шире, чем представлялось историкам когда-либо прежде, а придворные институты и должности – гораздо более устойчивы. Наконец, именно изучение структуры придворных служб помогает оценить процессы эволюции королевской власти в системе средневековой государственности и многообразие путей реализации монаршего авторитета.

Перспективы дальнейшего изучения феномена королевского двора невозможно представить вне контекста работ Норберта Элиаса. Несмотря на то что его исследования касались, главным образом, континентального материала, а книга «Придворное общество» (1969) посвящена французскому двору в Версале и французскому же нобилитету в период раннего Нового времени, значимость предложенного Элиасом метода для британских (и не только) «придворных» историков трудно переоценить. Существовавшие ранее возможности – изучение политической и административной истории двора – обогатились обращением к социологии придворного социума и применением к анализу исторических явлений социологической проблематики и социологического инструментария.

Как поясняет сам Элиас, изучение придворного микрокосма наиболее эффективным образом позволяет достичь необходимого историко-социологического синтеза, то есть применительно к феномену двора соединить «эмпирику» исторической науки и теоретические построения социологов¹⁷. Уже в более ранней работе «Процесс цивилизации» (1939) Элиас ставит вопрос о социальной детерминированности поступков индивида и границах автономии личности; тема заданности действий конкретной социальной средой, а также тезис о взаимопределяемости явлений внутри этой среды получает развитие и на страницах «Придворного общества»¹⁸. Элиас воспринимает двор прежде всего как социальное поле; следовательно, задача исследователя – выявить структуру этого поля, что, в свою очередь, послужит ключом к пониманию конкретных событий и действий, разворачивающихся при дворе. Кроме того, верное понимание того, как организована и выстроена придворная социальная и культурная реальность, подводит историка к более глобальным выводам. Согласно Элиасу, двор выполняет в государстве Средневековья и раннего Нового времени репрезентативную функцию. Но репрезентацией чего служит двор? Во-первых, двор является моделью, уменьшенной копией общества, а точнее – форм организации этого общества; изучение придворной жизни дает возможность выделить те критерии, которые можно назвать организующими для более широкой социальной среды данного государства в данный исторический период; поняв способ управления и манипуляции придворным обществом, исследователь получает возможность наблюдать использование аналогичных механизмов в иных сферах и институтах. В числе подобных детерминирующих механизмов Элиас называет структуры и пространственную организацию жилища, этикет и церемониал, групповые этические и социальные установки и в этом смысле вновь поднимает вопрос, ставившийся еще публицистами XVII столетия, а именно – насколько сам монарх является творцом придворной среды, и в какой мере он сам вынужден действовать согласно нормам, вырабатываемым без его непосредственной воли. Тем не менее, двор выполняет еще одну репрезентативную миссию: именно при дворе монарх являет миру себя, а также

¹⁷ Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 10–48.

¹⁸ Подробнее см.: Krieken R. van. Norbert Elias. London, 1998; Smith D. Norbert Elias and modern social theory. Sage publications, 2001; Salumets Th. Norbert Elias and human interdependencies. McGill-Queen's University Press, 2001.

– в самых разнообразных формах (церемониальных и драматических действиях, изобразительном искусстве, литературе, проповедях и речах) – являет нобилитету те идеи о себе самом и собственной власти, которые должны быть восприняты и усвоены не только придворной верхушкой, но и обществом в целом.

Итак, к 1960-м годам XX столетия в британской историографии утвердились три основных направления в изучении английского двора: история политическая, история административно-институциональная и история социальная. К этому моменту за двором прочно закрепилась репутация явления, без которого исторический «портрет» любой эпохи в истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени был бы неполным. Дальнейшее развитие изучения придворной тематики неизбежно предполагало синтез всех трех перечисленных направлений, а также, впоследствии, использование элементов истории повседневности, истории ментальности, гендерной истории и микроанализа. В отличие от установок вигской историографии, история двора, как и любых других явлений, уже никогда не будет сводиться к истории исключительно политической.

Однако достигнутая в целом методологическая определенность вскоре повлекла за собой ревизию концептуального наполнения истории английского двора, которая потребовала детализированного, пристального и многопланового анализа событий и источников. Кроме того, исследователи вновь обратились к сюжетам, не связанным с периодом классического средневековья, а именно – к тюдоровскому и раннестюартовскому двору. Развернувшаяся в 1950-1960-х годах в британском историческом сообществе дискуссия своим началом была обязана публикации Джеффри Элтона «Тюдоровская революция в управлении» (1953) и продолжена благодаря его последующим многочисленным публикациям¹⁹.

Бесспорно, и восшествие на английский трон династии Тюдоров, и развернутая ими впоследствии Реформация традиционно воспринимались англичанами как переломные моменты истории. Однако из всех масштабных изменений, произошедших в Англии начиная с 1530-х годов Элтон выдвинул на первый план тезис о совершенной Тюдорами революции в управлении²⁰.

Нужно отметить, что в своих историко-философских воззрениях Элтон отводил важное место индивидуальной воле участников исторического процесса – и в этом отношении именно тюдоровская эпоха была невероятно благодатным полем для его исследований, – в то время как социальные категории, структуры и дискурсы, с его точки зрения, могли претендовать лишь на роль вспомогательных инструментов, объясняющих, как и почему были приняты те или иные решения, способных выявить «ситуационные» и «непосредственные» причины событий²¹. Поэтому вполне объясним тот факт, что в видении Элтона тюдоровская революция в управлении свою «непосредственную» причину обретает в действиях Томаса Кромвеля, «величайшего революционера в английской истории», который, используя ситуацию с разводом Генриха VIII, сумел превратить Англию в единое, независимое суверенное государство, которым монарх правил, используя общенациональные бюрократические институты. Опираясь на парламентское статутное законодательство, Кромвелю удалось разрешить многие правовые и конституционные проблемы, а кроме того, пользуясь предоставленными ему Генрихом полномочиями, – совершить реорганизацию центрального управления, превратив спонтанно фор-

¹⁹ Elton G. R. *The Tudor revolution in Government*. Cambridge, 1953; *England Under The Tudors*. London, 1955; *Henry VIII: An essay In Revision*. London, 1962; *Reform and Renewal: Thomas Cromwell and the Common Weal*. Cambridge, 1973; *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government: Papers and Reviews. 1945–1972*: In 4 vols, Cambridge, 1974–1992.

²⁰ *The Eltonian Legacy (Special issue)* // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1997. Ser. 6. Vol. 7. P. 177–336.

²¹ По словам Элтона, «непосредственные (direct) причины объясняют, почему было совершено то или иное действие; ситуационные причины объясняют, почему это действие оказалось эффективным» (Цит. по: Roberts G. *Defender of the Faith: Geoffrey Elton and the Philosophy of History* // *Chronicon*. 1998. N 2. P. 1–22). – См. также: Skinner Q. *Sir Geoffrey Elton and the practice of history* // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1997. Ser. 6. Vol. 7. P. 301–316.

мировавшиеся структуры королевского хаусхолда в четко организованные государственные «департаменты»²². За десять лет своей реформаторской деятельности Кромвель сумел создать бюрократическую систему управления королевскими финансами, превратить функционировавший согласно средневековым принципам королевский Совет в регулярный правительственный орган, превратить палату общин и палату лордов в две необходимо связанные между собой палаты одного парламента, стоящего в основе нового понимания суверенитета – суверенитета короля-в-парламенте. В контексте изучения двора Элтон вполне закономерно сосредоточивал внимание именно на тех его департаментах, которые претерпели преобразования, направленные на «бюрократизацию» и построение стройной системы общегосударственного управления, в то время как вопросы, связанные с хаусхолдом, освещались им в гораздо меньшей степени. Для Элтона бюрократизация управления неизбежно означала резкое снижение роли «*hospicium*» в окружавшей монарха среде. Позднее, однако, сам Элтон признал, что переоценил успехи Томаса Кромвеля в искоренении «домовых» форм управления, а также степень целенаправленности его усилий в реорганизации двора и изначальной продуманности реформаторской программы.

Публикации Элтона несколько десятилетий оставались господствующими в литературе, что, однако это не означало отсутствие критики: в 1960-х годах в журнале «*Past and Present*» состоялась дискуссия, в ходе которой не остался незатронутым почти ни один из выдвинутых Элтоном тезисов²³. Первое и едва ли не самое серьезное возражение касалось хронологических рамок «тюдоровской революции»: при отказе от «персонифицирующего» фактора, увязывавшего начало реформ с деятельностью Генриха VIII и Томаса Кромвеля, обнаруживалось, что радикальные изменения, на которых настаивал Элтон, берут свое начало гораздо ранее. В частности, Дж. Л. Харрисс и П. Виллиамс продемонстрировали, что уже в правление последних Ланкастеров администрация не была тождественна структурам хаусхолда, а его департаменты отнюдь не являлись ведущими органами управления²⁴. Но в этой связи подвергался сомнению и другой тезис Элтона, касавшийся степени бюрократизации правительства: оппоненты настаивали на том, что и при Ланкастерах, и в большой мере при Тюдорах и Стюартах монархическое правление сохраняло персональный характер, при котором решения принимались монархом-в-совете. Таким образом, концепция резкого скачка в развитии двора и всей системы управления должна была уступить место концепции постепенной трансформации средневекового наследия, трансформации, осуществившейся не за пару десятков лет, а растянувшейся с XIV до начала XVII столетия.

Вторая, более поздняя, волна критики Элтона была связана с именами Д. Старки, К. Коулмана, М. Смата, Р. Аша²⁵ и Д. Лоудза²⁶ и пришлась на 1980-1990-е годы. В 1986 г. под редакцией Коулмана и Старки была опубликована коллективная монография «Переосмысление революции»²⁷. Целью ее авторов было не прямое опровержение взглядов предшественника, а, в контексте придворной тематики, их детальная корректировка, освещение тех особенностей функционирования придворных и управленческих структур, которые ускользали от внимания Элтона. Как и в полемике 1960-х годов, оппонирующей стороной проводится мысль

²² Coleman Ch. Professor Elton's "Revolution". // *Revolution Reassessed: revisions in the history of the Tudor government and administration* / Ed. by Ch. Coleman, D. Starkey. London, 1986. P. 1–11.

²³ Burgess G. On Revisionism: an analysis of Early Stuart historiography in the 1970s and 1980s//*The Historical Journal*. 1990. N 33. P. 609–627.

²⁴ Harriss G. L., Williams P. A Revolution in Tudor History? // *Past and Present*. 1965. N 31. P. 87–96.

²⁵ *Princes Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age* / Ed. by R. G. Asch, A. M. Birke. Oxford, 1991; Asch R. G. *Nobilities in Transition 1550–1700: Courtiers and Rebels in Britain and Europe*. Oxford, 2003.

²⁶ *Law and government under the Tudors* / Ed. by C. Cross, D. Loades, J. J. Scarisbrick. Cambridge, 1988; Loades D.M. *Henry VIII: Court, Church and Conflict*. London, 2007.

²⁷ *Revolution Reassessed: Revisions in the history of the Tudor government and administration*/Ed. by Ch. Coleman, D. Starkey. London, 1986.

о том, что восприятие середины XVI столетия как переломной эпохи определяется недостаточной изученностью предшествующего периода, эпохи войны Роз. Как полагает Д. Старки, именно в ходе политического конфликта и в условиях соперничества йоркистской и ланкастерской группировок не только происходило реформирование двора и хаусхолда, но сама необходимость изменений являлась предметом рефлексии и нашла выражение в политической терминологии, которой впоследствии воспользовались уже тюдоровские реформаторы (что демонстрирует, например, история рецепции взглядов Дж. Фортеस्कью в XVI и XVII столетиях).

Другой важной темой критики становится переоценка роли и вклада двора в государственное управление при первых Тюдорах. Старки, оспаривая положение Элтона о низведении роли хаусхолда до исключительно хозяйственной функции, демонстрирует, как относительно второстепенная при Генрихе VII придворная служба – Королевская палата – в правление Генриха VIII отказывается третьим по важности департаментом и активно действует до конца его правления, а ее функции передаются не бюрократам или бюрократическим департаментам, а Ближней палате короля.

Наконец, предметом полемики становится оценка Тайного совета, который, по мнению Элтона, в 1534–1536 гг. был создан Томасом Кромвелем как часть задуманной им последовательной административной реформы, призванной освободить королевских советников от груза судебных дел, передав последние в Звездную палату и палату Прошений. Дж. Гай, напротив, демонстрирует, что новая структура Тайного совета существует уже при кардинале Уолси и создается как спонтанный ответ на кризис Благодатного паломничества, а не как продуманный акт государственного строительства. Именно Уолси, а не Кромвель при таком подходе оказывается творцом тюдоровской Звездной палаты и палаты Прошений, процедура и судопроизводство в которых почти не затрагиваются реформами 1530-х годов²⁸.

Помимо ревизии концепций функционирования тюдоровского двора и уточнения границы начала изменений роли двора в администрации, британская историография последних десятилетий активно включает в исследовательское поле яковитский и каролинский двор. Здесь также уместно говорить о ревизии неовигских (а точнее, заложенных еще в пропаганде середины XVII в.) взглядов, представленных работами Л. Стоуна, согласно которому двор первых Стюартов развивался как все более и более изолирующаяся «аристократическая» среда, противостоящая как социальным и религиозным ценностям «нового дворянства», так и первостепенным политическим нуждам английского государства. Р. М. Смутс полагает, что концепция Стоуна чрезмерно упрощает истинное положение вещей. Смутс указывает, прежде всего, на отсутствие в начале XVII в. как двух разнящихся между собой культур – аристократической и культуры джентри, столичной и провинциальной, так и двух изолированных друг от друга социальных групп, то есть придворных и всей остальной части знатного общества. Королевский двор при Стюартах, бесспорно, являлся культурно-политическим центром, в сжатом пространстве которого исследователю гораздо проще выявить и пронаблюдать всевозможные тенденции и конфликты; однако периферия влияния этого центра была невероятно широка и, по большому счету, не имела определенной границы²⁹.

Изучение яковитского двора, динамики его состава, определяемой как необходимостью утверждения новой династией своих позиций, так и объединением под скипетром Стюартов четырех национальных композитов, осмысление процессов распределения придворных и административных должностей и пэрских титулов, а также политика распределения монаршего патрона в последние десятилетия – начиная с работ Дж. Эйлмера и К. Гивен-Вил-

²⁸ См. также: *Reassessing the Henrican Age* / Ed. by A. Fox, J. Guy. Oxford, 1986.

²⁹ Smuts R. M. *Court Culture and the Origins of the Royalist Tradition in Early Stuart England*. Philadelphia, 1999; *Culture and Power in England, 1585–1685 (Social History in perspective)*. New York, 1999.

сона – становится необходимой составляющей исследований, ориентированных на социальную историю предреволюционной Англии³⁰. В рамках раннестюартовской «придворной» тематики были заново открыты темы, которые ранее не воспринимались как дискуссионные: прежде всего это касается открытия каролинского двора как самостоятельного и специфического феномена, характеризующего эпоху персонального правления Карла I.

³⁰ Aylmer G. 1) *The King's Servants. The Civil Service of Charles I, 1625–1642*. London, 1974; 2) *Office-Holdings, Wealth and Social Structure in England, 1580–1720//Domanda e consumi*. Florence, 1978. P. 247–259; Given-Wilson C. *The English Nobility in the Late Middle Ages*. London, 1987; Peck L. *Court Patronage and Corruption in Early Stuart England*. London, 1993; Northampton: *Patronage and Policy at the Court of James I*. London, 1982.

С. Е. Федоров

«Domus regis» и «familia regis» в раннее Новое время

Традиционно вторая половина XV в. считается периодом существенных перемен в истории английского королевского двора. Под влиянием целого комплекса причин прежняя военно-административная организация королевского хаусхолда³¹ утрачивает конституирующую этот институт функцию, уступая место сугубо «гражданским» принципам его внутренней консолидации. Подобные сдвиги в организации королевского двора максимально формализуются в первом «стационарном» регламенте – «Черной книге Эдуарда IV», определяющем иерархию королевских слуг в рамках двух его основных подразделений – «domus providencie» и «domus magnificencie», соответственно обеспечивавших хозяйственные и представительские функции. При этом механизмы, определявшие отношения монарха и его слуг как верхнего, так и низшего звена, сохраняя свои прежние ресурсы, иницируют новые формы взаимной компенсации. Сам государь, оставаясь в идеале основным и наиболее надежным источником милости, продолжает «стягивать» на себе все линии теперь уже придворного патроната, расточая среди постоянно растущих придворных клиентел не столько материальные блага, сколько право на их получение, а те воспринимают новизну приобретаемого как одно из преимуществ, определяемых исключительно «гражданской», а не военной службой своему суверену. Вся последующая эволюция придворных служб связана с последовательным совершенствованием именно такой формы взаимоотношений с государем, обусловившей, в конечном счете, их корпоративную, а затем и групповую идентификацию. В обновляющихся таким образом условиях королевский двор не только не потеряет былого значения в управлении принадлежавшими английской короне территориями, но и становится своеобразным центром, где вершилась «высокая» политика.

Оформление организационной структуры «нового» хаусхолда отражало результаты двух взаимосвязанных процессов, протекавших внутри и за пределами придворного пространства. С одной стороны, речь идет о разрастании традиционных служб королевского домохозяйства, известного с конца XII в. под термином «domus regis»³². С другой стороны, сказываются последствия постепенного размытия наиболее привилегированной части королевской свиты, так называемых «familiares», инфильтрированных в состав периферийных территориальных сообществ и обязанных своей инфеодацией исключительно военной службе государю³³. Под влиянием этого процесса исчезает ранее независимое в административном плане подразделение королевского двора, обозначавшееся по аналогии с входившими в его состав членами королевской свиты термином «familia regis».

Укрупнение различных служб и ведомств, структурно объединявшихся в пределах королевского домохозяйства, сопровождалось их закономерным «исходом», способствовавшим образованию системы центрального исполнительного аппарата. Формировавшиеся в результате этого автономные от «дворцовой» администрации органы, обеспечивавшие в первую очередь финансовый, фискальный и судебный контроль на территории всего королевства, тем не менее, сохраняли свои исходные «матричные» формы, продолжавшие регулировать соответствующие сферы жизнедеятельности королевского хаусхолда, указывая на наличие пусть

³¹ Впервые понятие «военный хаусхолд» было введено Т. Таутом: Tout T Chapters in the Administrative History of Medieval England: In 6 vols. Manchester, 1937. Vol. II. P. 133, 138.

³² Constitutio Domus Regis // Dialogus de Scaccario and Constitutio Domus Regis/Ed. by C. Johnson. Edinburgh, 1950. P. 128–135.

³³ О начальных стадиях этого процесса: Prestwick J. The Military Household of the Normam Kings//English Historical Review. 1981. Vol. 96. N 378. P. 1–35; Frame R. The Political Development of the British Isles, 1100–1400. Oxford, 1990. P. 169–188.

обратной, но генетически опосредованной связи с системой «государственного» управления³⁴. Подобная связь, поддерживая институциональное единство придворных и «государственных» ведомств, способствовала распространению практики межведомственного совмещения должностей, сохраняя тем самым известное «кадровое» единство всего центрального исполнительного аппарата. В расширяющемся и совершенствующемся таким образом властном пространстве английской монархии так или иначе просматривалась его изначально значимая придворная доминанта, и в этом смысле каждый причастный этому пространству индивид оставался королевским слугой.

Практика совмещения придворных и «государственных» должностей³⁵ указывала на весьма характерную уже для правления Нормандской династии закономерность, отражавшую определенную зависимость сначала военной, а затем и любой другой службы государю от доступных материальных благ старого и нового королевского доменов. На протяжении XI–XII вв. королевская власть активно перераспределяла «реальные» ресурсы старого и нового доменов среди наиболее лояльной части своей придворной свиты, используя распространенные к тому времени формы инфеодации³⁶. Вплоть до конца XIII в. среди всех возможных комбинаций преобладающим типом компенсации за военную службу правящему дому оставались традиционные земельные фьефы. Так называемые денежные фьефы, подразумевавшие различные формы выплат из королевской казны или право на получение дохода от развивавшихся в пределах новых домениальных земель короны промыслов («*dona*», «*vadia*» или «*liberaciones*»), носили до начала XIV в. лишь вспомогательный характер и, как правило, использовались для привлечения иностранцев в состав королевской свиты³⁷. По мере постепенного истощения земельных ресурсов старого королевского домена – его практически полной инфеодации – денежная форма фьефа приобретает доминирующий характер и начинает активно использоваться для поощрения той части ближайшего окружения короля, которая формировалась из слуг, совмещающих придворные посты с должностями в центральном исполнительном аппарате. Поскольку источником выплачиваемых или извлекаемых сумм по-прежнему остаются принадлежащие правящей династии наследственные и конфискованные у мятежной знати земельные комплексы, верховная власть, сохраняя свою патримониальную природу, распространяет свои домениальные интересы на все территориальные владения монархии.

Исчезновение постоянной королевской свиты, определившее «демилитаризацию» хаусхолда, являлось результатом глубоких процессов, протекавших в английском обществе на протяжении XI–XIII вв.³⁸ Известно, что еще короли Нормандской династии инфеодировали значительную часть своей придворной свиты, используя для этого принадлежавшие короне домениальные земли. Инфеодация сопровождалась форсированной инфильтрацией придворных слуг в состав элиты территориальных сообществ, располагавшихся в непосредственной близости, но за пределами старого королевского домена³⁹. Уже в начале правления Плантагенетов просматривались очертания субструктуры, уравнивавшей характерный для таких сообществ политический сепаратизм. Несмотря на то что процесс внедрения королевских слуг протекал волнообразно, меняя по воле монархов свои конечные объекты и сферу внедрения

³⁴ Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в средние века. М., 2008. С. 231.

³⁵ Такая тенденция останется доминирующей вплоть до начала гражданских войн середины XVII в. – См. об этом: Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия. 1603–1629. СПб., 2005.

³⁶ Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962. С. 94–103.

³⁷ Lyon D. The Money Fief under The English Kings, 1066–1485 // *English Historical Review*. 1951. Vol. 66. N 259. P. 161–193; Harvey S. The Knights and Knight's Fee in England // *Past & Present*. 1970. Vol. 49. P. 3–43; Church S. The Rewards of Royal Service in Household of King John: A Dissenting Opinion // *English Historical Review*. 1995. Vol. 110. N 436. P. 277–303.

³⁸ Prestwick J. Anglo-Norman Feudalism and the Problem of Continuity // *Past & Present*. 1963. Vol. 26. P. 39–57.

³⁹ Coss P. Lordship, Knighthood and Locality. A Study in English Society, c. 1180–1280. Cambridge, 1991. P. 305–327.

(от создания военно-охранных до административно-судебных структур на уровне отдельных графств и сотен), его позитивные результаты были очевидны.

Инфеодация ближайших сподвижников династии и связанная с ней инфильтрация, в известной мере консолидируя центр и периферию в пределах старого и нового королевского доменов, тем не менее, не избавили верховную власть от неминуемых негативных последствий именно такого вмешательства во внутреннюю жизнь локальных сообществ, лежавших за границами непосредственных владений английской монархии. Не столько королевские выдвиженцы, сколько их потомки, включавшиеся в систему местных поземельных связей, со временем перенимали или же были вынуждены перенимать сложившуюся на местах практику. Значительная часть принадлежавших им реальных владений (старый королевский домен) из-за их небольших размеров и как следствие – хозяйственной нерентабельности подвергалась дроблению и отторгалась, как правило, изменяя свою владельческую структуру не по вертикали, а по горизонтали⁴⁰.

Инфеодация внушительной доли земель старого королевского домена в пользу ближайшего окружения монарха, таким образом, оставаясь экономически выгодной верховной власти, с течением времени лишала королевскую свиту необходимых источников к существованию и теряла свою политическую составляющую, лишая монархию желаемой опоры на местах. После издания знаменитого статута *Quia Emptores*, как известно, узаконившего земельную субституцию⁴¹, преемники получивших земельные лены королевских слуг, оставаясь лояльными короне, вынужденно искали поддержки среди более обеспеченных и влиятельных местных лордов и подчас становились активными участниками их свит, благо такие связи вполне допускались.

Первоначально эти связи, хотя и основанные на личных контрактах, носили вторичный характер. Отношения с короной для большинства преемников продолжали оставаться приоритетными: по мере необходимости они несли военную службу государю. Однако со временем и по мере распространения практики коммутации рыцарской службы они постепенно становились доминирующими. Такие отношения оказывались более гибкими как с точки зрения предполагаемой за них компенсации, варьировавшейся от разовых выплат до пропорционально поступавших в течение определенного срока сумм, так и с точки зрения их возможного прекращения, означавшего либо возврат еще некомпенсированной службой суммы, либо обычную терминацию последующих выплат. При этом полагавшееся за такую службу вознаграждение с легкостью обеспечивало им уплату щитовых денег, разрушая тем самым надежду монарха на персональное присутствие преемника в составе королевской свиты⁴².

В свою очередь местные лорды, объединяя вокруг себя, помимо прочего, потомков инфедированных в свое время королевских слуг, именно таким образом подчиняли своим интересам не только создававшуюся с тенденцией к независимости от территориального сообщества местную администрацию, но и значительные элементы выстраиваемой короной земельной субструктуры. При этом людские ресурсы подобных свит, во многом превосходя возможности титульного домена самого лорда, создавали дополнительные условия для еще более глубокого размывания создаваемой короной владельческой структуры. Так или иначе, но уже на исходе XIII в. создававшаяся на протяжении столетий опора монархии на местах заметно переместилась в направлении самих локальных сообществ, а сама система наследственного рекрутирования королевских свит перестала быть достаточно эффективной⁴³. Монархия все чаще и чаще

⁴⁰ См. дискуссию: Coss P. *Bastard Feudalism Revised*//Past & Present. Vol. 125. 1989. P. 27–64; Crouch D., Carpenter D. *Bastard Feudalism Revised* // Ibid. 1991. Vol. 131. P. 165–189; Coss P. *Bastard Feudalism Revised: A Replay*//Ibid. P. 190–203.

⁴¹ Bean J. *The Decline of English Feudalism, 1215–1540*. Manchester; New York, 1968. P. 306–309.

⁴² Waugh S. *Tenure to Contract: Lordship and Clientage in Thirteenth Century England*//English Historical Review. 1986. Vol. 101. N 401. P. 811–839.

⁴³ Lyon D. *The Feudal Antecedent of the Indenture System*// Speculum. 1954. Vol. 28. N 3. P. 503–511; Carpenter C. *The*

использовала для своих военных походов профессиональных наемников, а институт традиционной королевской свиты закономерно распадался.

Процесс разрастания и последующего исхода различных служб королевского домохозяйства сопровождался структурными сдвигами в составе его отдельных ведомств и в первую очередь Королевской курии. В конце XIII в. значительная часть слуг, занятых обеспечением широкого круга потребностей традиционной королевской свиты, вливается в состав уже достаточно дифференцированных к этому времени хозяйственно-административных служб двора, оккупируя внутреннее и внешнее пространство Королевской курии и вытесняя тем самым внушительную по размерам группу слуг-клириков за архитектурные пределы дворцового пространства. Став частью «гражданской» придворной организации, она сохраняет за собой определенные должностные преимущества, связанные с предшествующим родом деятельности.

Оформившаяся таким образом группа придворных слуг составит «кадровую» основу для Королевской палаты, которая не позднее начала XIV в. окончательно обособится от Королевской курии, а затем и поглотит значительную часть ее основных функций. Обретя независимость, штат Палаты сохранит определенные административно-хозяйственные обязанности, но в его деятельности будут преобладать особые представительские полномочия, наглядно демонстрирующие отличия королевского окружения и собственно монаршего двора от свит и дворов английской знати. Последующая ритуализация этих отличий, по всей видимости, определит не только их дальнейшую специализацию, но и эволюцию этого подразделения в направлении, финальная стадия которого и была зафиксирована в «Черной книге Эдуарда IV»⁴⁴.

Несмотря на появление уже в конце XV в. пока еще полуавтономного подразделения – Королевской конюшни, сложившаяся при Йорках бинарная структура распределения полномочий внутри придворного пространства продолжает доминировать и при Тюдорах, подчеркивая изначальное архитектурное единство «дворцовой» администрации. Ведомство шталмейстера, располагавшееся в стороне от резиденции монарха, пока лишь только «физически» объединялось с другими службами двора, когда, передвигаясь по стране или за ее пределами, король нуждался в особых инструментах, способных визуализировать в доступных формах величие принадлежавшей ему власти. Но в повседневном, ограниченном дворцовыми стенами пребывании он довольствовался ресурсами Королевской палаты.

Помимо репрезентативных полномочий, Палата объединяла все функции «матричного» управления и контроля, унаследованные от Королевской курии. Она оставалась основным депозитарием королевских драгоценностей, в ее ларцах хранились многочисленные малые печати; она была местом, где король держал совет, куда стягивались все нити придворных клиентел. Казначей Палаты был по-прежнему главным лицом в королевстве, на которого ложилось бремя управления домениальными финансами; ее секретарь не только выполнял функции связующего звена с Канцелярией и Хранилищем свитков (позднее – архивом), но и во многом инициировал центральное делопроизводство. Кроме того, Палата продолжала играть заметную роль в назначении местной администрации и сохраняла доступные к тому времени формы юстиционного контроля над прерогативными судами короны⁴⁵. Объем функций мог с течением времени расти или сокращаться, но при этом Палата продолжала оставаться важнейшим звеном в системе центрального управления.

Судя по всему, с момента своего возникновения Camera regis так и никогда не была замкнутым пространством, способным сохранить известную приватность в жизни государя, и оставалась вплоть до начала XIV в. единым лишенным каких-либо, пусть даже временных, перегородок помещением.

Beauchamp Affinity: A Study of Bastard Feudalism at Work // English Historical Review. 1980. Vol. 95. N 376. P. 514–532.

⁴⁴ См. главу, написанную для этого издания Е. В. Бакалдиной.

⁴⁵ Condon M. Ruling Elites in the Reign of Henry VII // Patronage, Pedigree and Power in Late Medieval England. Gloucester, 1979. P. 127–129.

Позднее при Ланкастерах и Йорках в строительстве или перепланировке королевских резиденций заметным становится стремление заказчиков делить обычно отводимое под Палату пространство сначала на две, а затем и на три составляющие. В конце XV – начале XVI века в «номенклатуре» придворных помещений уже заметно выделяется комплекс из трех смежных комнат, по традиции именуемый все той же Королевской палатой, но на деле представляющий собой архитектурно связанные Большую (из-за размеров), Присутственную и Личную палаты.

В ранний период правления Тюдоров начнется растянувшийся почти на столетие процесс сознательного разграничения планировки этих помещений, который будет сопровождаться не только попытками их более частного дробления (сначала от трех к пяти, а затем от пяти назад к четырем), но и обособления приписанного к ним корпуса слуг. Лежавшие в основе этих изменений мотивы могли варьироваться с учетом, к примеру, особенностей женского правления, но в их конечных результатах всегда присутствовала политическая составляющая.

Наиболее существенным решением, окончательно реорганизовавшим внутреннее камеральное устройство, стало учреждение, а затем и значительное преобразование особого штата личных королевских слуг⁴⁶. Появление такой придворной службы свидетельствовало и о начале своеобразной «приватизации» монархом внутреннего пространства одного из пределов Палаты, и о попытках материализации, пусть еще примитивных спекуляций о «физическом» и «политическом» теле короля, и о возможных перспективах или «сценариях» придворного театра власти. Закреплявшееся учреждением должности особого ответственного за их деятельность лица – грума мантии⁴⁷, само возникновение института личных слуг короля предполагало их последующее обособление и постепенное превращение в наиболее влиятельный сегмент служилого придворного штата. При этом сама палата обретала если не самостоятельный, то, по меньшей мере, автономный статус, расширяя и преобразуя круг обычно связываемых с нею полномочий, но неизменно и целенаправленно ограничивая возможный доступ к персоне короля.

По своему исходному предназначению личные слуги короля во многом напоминали появившиеся значительно ранее континентальные аналоги. Французский «*valet de chamber*»

⁴⁶ Существуют определенные трудности с датировкой начала этих изменений. Не вызывает сомнений тот факт, что основная часть преобразований, связанных с Личной палатой, так или иначе приходится на период 1485–1526 гг., то есть хронологически совпадает с годами правления Генриха VII и частично – Генриха VIII. Сложности возникают с определением точной даты ордонанса, инициировавшего отделение Личной палаты от прочих камеральных ведомств. В распоряжении исследователей нет точно датированного оригинала. Д. Старки еще в своей докторской диссертации (1973) использовал хранящийся в Коллегии герольдов список (College of Arms. Arundell MS. XVII (2)), датируя его протограф 1495 г. (Starkey D. The King's Privy Chamber, 1485–1547. Unpublished Cambridge Ph. D. dissertation, 1973. P. 18ff) и, следовательно, считал, что Генрих VII был инициатором преобразований. Старки также полагал, что еще одна копия ордонанса, опубликованная Ф. Гроузом и Т. Эстлом, хотя и содержала значительные интерполяции (The Antiquarian Repertory: In 4 vols. / Ed. by F. Grose, T. Astle. London, 1807–1809. Vol. II. P. 184–185 (текст ордонанса); P. 186–209 (интерполяции)), была идентична в своей основной части списку Коллегии герольдов. Копия была изготовлена для Генриха VIII Тюдора его лорд-чемберленом Генри Фитц-Эланом, графом Эранделлом в 1526 г. Поскольку и в опубликованном тексте ордонанса, и в списке Коллегии герольдов нет упоминаний о джентльменах Личной палаты – службе, впервые учрежденной, как известно, Генрихом VIII не ранее 1515 г., то Старки считал это достаточным основанием, чтобы предварительно датировать сам текст ордонанса периодом правления Генриха VII. Далее уже по косвенным свидетельствам он ограничивал время появления ордонанса 1495 г., считая, что его издание должно было последовать сразу же за раскрытием заговора Пурбека (Starkey D. Intimacy and innovation: the rise of the Privy Chamber, 1485–1547//The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War/Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 73–74). При этом в тексте самого ордонанса и сопровождающих его документах отражается, на мой взгляд, та ситуация, которая оставалась, согласно утверждениям самого Старки, более характерной для отношений внутри самой Палаты при Генрихе VIII, а не при его предшественнике: грумы упоминаются лишь в веренице прочих должностей и далеко неравнозначно соседствуют с эсквайрами и рыцарями Личной палаты короля; для последних даже отводится отдельный титул (P. 185–186). Мнение о связи появления этого ордонанса с последствиями придворного заговора 1495 г., таким образом, весьма спорно.

⁴⁷ Я предпочитаю этот не совсем точный вариант передачи данного термина, исходя из одного возможного перевода английского слова «*stool*», и преследую цель избежать по возможности его исходного бытовавшего в средние века значения («*stool of easy*»), тем не менее, отражавшего набор начальных «служебных» обязанностей его предшественника «*yeoman of the Stool*». – О варианте перевода этого термина с учетом обособления четвертого камерального ведомства – Королевской спальни см.: Англия XVII века: социопрофессиональные группы и общество/Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1997. С. 13.

и бургундский «*valet de corps*», очевидно, служили исходными образцами для «*groom of the body*», но в своем окончательном варианте английский грум, скорее, напоминал известный тип личного слуги государя, описанный Б. Кастильоне. Оставаясь человеком простым, но наделенным от природы способностями безупречно удовлетворять ежедневные потребности своего господина, он сначала по мере своих возможностей дистанцировал, а затем и поддерживал в неизменном виде всю лишнюю необходимую в других случаях театральности повседневную жизнь монарха⁴⁸.

Ее обыденность служила ограничительным механизмом для всего того, что было наполнено излишней церемониальностью и требовало уже специфических навыков. Так или иначе, но штат оставшихся за пределами личного пространства монарха камеральных ведомств, насчитывавший несколько сотен рыцарей и эскайров, не подходил для исполнения простых, лишенных в общем-то нежелательных в таких случаях условностей, и как следствие предполагал необремененных социальными предрассудками исполнителей. Группа в шесть человек⁴⁹, успешно справлявшаяся с подобными обязанностями, с трудом соперничала с находившимися в попечении лорд-камергера слугами, но, тем не менее, могла рассчитывать на и не снисшедшие им снисхождение и преимущества.

Со временем институциональная обособленность Личной палаты могла перерастать отведенные для нее границы. Плотная закрытая и охраняемая с двух сторон массивная дверь, продолжая символизировать наличие особой черты, разграничивавшей приватное и публичное в дворцовом пространстве, ограничивала непосредственное влияние придворных на короля, способствуя своеобразной «камерализации» принимаемых решений. В зависимости от доминирующего стиля правления она могла определять их полную приватизацию или же провоцировать появление особо приближенных личных советников, так или иначе нарушая изначально присущие «высокой» политике куриальные черты. В этом смысле любые формы королевского совета обретали второстепенное значение, превращая самих ординарных советников в послушных исполнителей монаршей воли.

Сам факт появления частных советников, так называемых «*privado*» (термин Д. Моргана), не только нарушал, но и создавал связанные исключительно с Личной палатой формы камерального фаворитизма. Противопоставляя их традиционно претендующей на политическую роль социальной элите, верховная власть могла рассчитывать на своеобразное «смягчение» традиционных аспектов политической борьбы, определявшейся противостоянием различных придворных фракций и – как следствие – на известную «централизацию» наиболее значимой части основанных на связях этих группировок придворных клиентов⁵⁰.

Насколько можно судить, изначально круг таких советников, как правило, замыкался или ограничивался фигурой грума мантии⁵¹. Ситуация начинает заметно меняться с появлением королевских миньонов⁵², которые небольшими группами по 2–3 человека последовательно

⁴⁸ Castiglione B. *The Book of Courtier*. London, 1989. P. 127.—Более подробно об этом: Scaglione A. *Knights at Court. Courtliness, Chivalry, and Courtesy from Ottonian Germany to Italian Renaissance*. Los Angeles, 1991. P. 229–242.

⁴⁹ Их численность можно выяснить по более поздним свидетельствам, относящимся ко второму десятилетию XVI в., когда под влиянием «особых» обстоятельств стали известны имена «новых» грумов Генриха VIII – См.: *Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547*: In 21 vols. / Ed. by J. Brewer et al. London, 1862. Vol. I. Pt. I. P. 771 (далее – HLP).

⁵⁰ Обычно связанные с высокими наследственными должностями (лорд-камергер и лорд-стюард), такие клиенты, как правило, сохраняли свой потенциал, переживая сменявшиеся на троне династии, и при наличии известного противостояния могли представлять реальную угрозу для стабильности самой монархии. – См.: Morgan D. *The House of Policy: the Political Role of the Late Plantagenet Household, 1422–1485* // *The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War* / Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 25–71.

⁵¹ Таковой была ситуация вплоть до 1515 г., когда на должности грума мантии последовательно находились Хью Денис и пришедший ему на смену в 1510 г. Уильям Комптон (HLP. Vol. I. Pt. I. P. 94).

⁵² Термин «миньоны» в отношении личных слуг короля был впервые употреблен Э. Холлом (Hall E. *The Union of the Two Noble and Illustre Families of Lancaster and York*. London, 1809. P. 598).

вводятся в состав палаты. При этом для большинства из них придворная карьера обычно скоротечна: лишь только часть из них добивается серьезных результатов⁵³. В растущем такими темпами составе Личной палаты их позиционируют сначала как грумов, затем под влиянием достаточно курьезных обстоятельств – как джентльменов⁵⁴. Не позднее 1526 г. наступает известный перелом⁵⁵, и должностное пространство палаты обретает законченные черты. Значительно превышающий начальные размеры штат палаты по-прежнему выстраивается вокруг грума мантии, но его служебная структура упорядочивается с общими требованиями всего камерального пространства⁵⁶. Джентльмены, рыцари и эсквайры Личной палаты, сохраняя за собой право на исключительный доступ в приватные покои короля, теперь свободно перемещаются по всему придворному комплексу, составляя своеобразный передвижной механизм, обеспечивающий регулярное и неизменно «персональное» обслуживание монарха. Не трудно предположить, что оттесняя в этом свободном передвижении известную часть других камеральных ведомств, личные слуги короля интегрировались в ранее закрытое для них публичное пространство, закономерно перенимая характерные для него формы театрализованной игры, привнесшие элементы придворного церемониала в личные покои монарха. При этом не менее типичная для такого пространства тенденция к институциональному превосходству образующих его подразделений усложняла основные объекты не только сугубо придворного, но и в целом внутрисистемного противостояния, обеспечивая известный динамизм в становлении «государственного» управления⁵⁷.

Вплоть до конца XIII в. вся система королевских финансов сохраняла куриальный характер. По мере образования Казначейства значительная часть ее патримониальной инфраструктуры обособляется и унифицируется, составляя основу для формирования публичных финансов короны. Камеральная администрация продолжает контролировать, помимо личных расходов короля, домениальные⁵⁸ и связанные с так называемыми прерогативными правами верховной власти денежные поступления. Не исчезают также известные со времен нормандских королей «замковые» депозитарии, хранившие персональные «сбережения» монархов. Управляемые обычно личными казначеями-кассирами такие депозитарии составляли наиболее подвижную часть в механизме финансового сопровождения различных «приватных» потребностей и начинаний государя. Сохраняющаяся на протяжении XIV–XV вв. система част-

⁵³ При несомненном лидерстве Уильяма Комптона такую группу образуют Николас Кэрю, Френсис Брайен, Джон Кортни, Генри Гуилфорд, Эдвард Невилл и Уильям Кэрри (HLP. Vol. I. Pt. I. P. 771).

⁵⁴ Речь идет о приеме французского посольства в Лондоне 23 сентября 1518 г. Дело в том, что среди прибывшей на мирные переговоры делегации присутствовали шестеро *gentilhomme de la chambre* Франциска I. При этом, согласно сложившейся традиции, во время официального въезда делегации в Лондон миньоны Генриха VIII должны были гарцевать попарно с их французскими компаньонами, но различия в занимаемых ими придворных должностях не позволяли сделать этого. Сложность была решена путем прямого заимствования французского аналога для учреждения новой придворной должности при английском дворе (HLP. Vol. I. Pt. II. P. 4409). – См. также описание процессии у Холла: Hall E. The Union... P. 593–594. – Какое-то время французская формула продолжала использоваться при дворе, но уже в 1621 г. появилась ее привычная английская версия (HLP. Vol. II. Pt. II. P. 4512; Vol. III. Pt. II. P. 2374).

⁵⁵ Такой перелом фиксируется в так называемых Элтэмских ордонансах (A Collection of Ordinances and Regulations for the Government of the Royal Household. London, 1790. P. 154–156).

⁵⁶ Carlisle N. An Inquiry into the Place and Quality of the Gentlemen of His Majesty's Most Honourable Privy Chamber. London, 1829. – Состав сформировавшейся вокруг грума мантии службы объединял две различные по статусу группы слуг. Наиболее многочисленными и, как представляется, гибкими в использовании оказывались джентльмены палаты – собственно миньоны, отличавшиеся также высоким социальным положением (сыновья пэров, представители семей старой родовитой знати) и относительной молодостью. Д. Старки полагает, что еще в начале правления Генриха VIII они с успехом формировали так называемую молодежную «субкультуру» двора (Starkey D. Intimacy and Innovation... P.80). На них лежал круг обязанностей, связанных с постепенно ритуализирующейся внутренней жизнью палаты. Собственно грумы образовывали статичную по составу группу личных слуг короля, по-прежнему не отличавшуюся благородным происхождением и занятую выполнением рутинных обязанностей.

⁵⁷ Hoak D. The King's Privy Chamber, 1547–1553 //Tudor Rule and Revolution/ Ed. by D. Guth, J. McKenna. New York, 1982. P. 87–108.

⁵⁸ Wolffe B. The Crown Lands, 1461–1536. London, 1970. P. 54–96.

ных королевских финансов не только способствовала сохранению известной свободы верховной власти в условиях ужесточения парламентских методов вотиrowания налогов, но и во многом определяла содержание одной из составляющих приходящихся на следующее столетие камеральных реформ⁵⁹.

Регулярно увеличивавшийся в первой половине XV в. объем прямых финансовых операций, связанных с обслуживанием королевского двора, привел к их централизации и образованию так называемого вестминстерского депозитария. Уже к середине этого столетия казначей Королевской палаты, продолжая формально совмещать свою основную должность с обязанностями хранителя королевского кошелька, передает функции обеспечения личных потребностей короля йомену мантии⁶⁰.

В таком частичном разделении двух расходных статей камерального бюджета пока еще не было намека на предстоящее обособление Личной палаты, но тенденция к известному разобщению камеральных казначеев и самого монарха уже намечалась. Если Эдуард IV все еще рассматривал палатных казначеев в качестве основной отвечающей за его личные расходы инстанции, именно при их непосредственной помощи осуществляя необходимые перемещения «депозитных» средств для текущего использования, то Ричард III уже всецело уповал на помощь йомена мантии в мобилизации своих денежных запасов. При этом установившаяся в свое время субординация, подчинявшая все общие камеральные финансовые службы Казначейству, а личных казначеев главе соответствующего палатного ведомства, сохранялась – нарушались лишь необходимые в финансовых операциях короны многочисленные формальности.

Пренебрежение тонкостями необходимой процедуры лишь в большей мере дистанцировало верховную власть и придворного казначея, оставляя саму структуру королевских финансов неизменной. Только в условиях институционального отделения Личной палаты от прочих ведомств нарушаемая формальность приобретала черты более серьезного системного сдвига, определяя соответствующее позиционирование финансовых органов короны. В таких условиях финансовая служба Личной палаты монарха могла противопоставляться или же уподобляться другим финансовым инстанциям, контролировавшим доходную и расходную составляющие всей «экономики» королевского двора. Независимо от форм возникающего на этой почве противоборства грум/джентльмен мантии неизбежно обретал определенные связанные с этой сферой полномочия и нередко становился финансовым экспертом короля.

Механизмы такого противоборства пока еще недостаточно известны, но ранние Тюдоры, судя по всему, предпочитали вариант административного укрепления обособленной Личной палаты. В таком случае ее вновь образуемые службы выстраивались по аналогии и, следовательно, уподоблялись иным финансовым инстанциям двора⁶¹. Такие предпочтения могли определять структурное перераспределение и частичную автономизацию уже известных полномочий⁶² и лишь затем – усовершенствование уже существовавших к тому времени альтернативных органов финансового управления и контроля. Вариант перераспределения – так называемая «реформа Комптона» – не дала результата, поскольку нарушила желательную в таких случаях субординацию финансовых служб и характерную для Тюдоров тенденцию к централи-

⁵⁹ Dietz F. English Government Finance, 1485–1558: In 2 vols. London, 1964. Vol. I. P. 101–113; Vol. II. P. 222–223.

⁶⁰ Судя по всему, объем финансовых полномочий, принадлежавших йомену мантии, был достаточно велик уже в последнее десятилетие правления Генриха VI. Иначе трудно объяснить, как Уильям Гримбсби, занимавший этот пост более 15 лет, стал в последние годы своей жизни сначала камеральным казначеем, а затем и вторым лицом в самом Казначействе: и тот и другой пост требовали серьезных навыков практической работы (A Collection of Ordinances and Regulations... P. 18).

⁶¹ Об этом более подробно см.: Starkey D. Court and Government//Revolution Reassessed. Revisions in the History of Tudor Government and Administration/Ed. by C. Coleman, D. Starkey. Oxford, 1986. P. 29–59.

⁶² Так, Генрих VII ограничился изъятием поступлений от прерогативных прав короны, восстановив тем самым известный водораздел между доменальными и всеми прочими доходами монарха. При Генрихе VIII, напротив, финансовая деятельность Королевской палаты настолько истощилась (реформа Комптона), что потребовалась срочная реформа (Норриз). – См.: Starkey D. Intimacy and Innovation... P. 83–87.

зации основных доходов короны. Вариант усовершенствования – «реформа Норриза»⁶³, мобилизуя финансовый потенциал свободных от камеральной опеки королевских депозитариев, способствовала их последующей деавтономизации⁶⁴. Это означало, что контролируемые личными казначеями «депозиты» английских государей не только встраивались в существовавшую к тому времени систему королевских финансов, но и становились важнейшим источником ее внутреннего кредитования. Сохранявшаяся при этом автономия платежных средств Личной палаты не исключала их последующей централизации⁶⁵.

Финансовому усилению Личной палаты во многом сопутствовали административные преобразования, связанные главным образом с центральным делопроизводством⁶⁶. Известно, что уже во второй половине XV в. с развитием практики использования королевской печати (signet), заменившей многочисленные к тому времени малые печати, основным «рабочим» местом королевского секретаря становится Личная палата монарха. Начиная с Эдуарда IV английские государи весьма неохотно носили ее, как требовал того обычай, на указательном пальце и предпочитали держать ее среди прочих драгоценностей в специально отведенном для этого сундуке. Как правило, ключ от небольшого ларца, в котором в бархатном мешочке лежал сам перстень с эмблемой монарха, хранился сначала у йомена, а затем и у грума мантии. Судя по всему, именно он извлекал печатку из ларца и передавал ее секретарю, а тот с согласия короля скреплял ею необходимые документы⁶⁷.

Уже в начале XVI в. подобная практика санкционирования государственных бумаг вытесняется использованием личной подписи монарха (sign manual)⁶⁸. Первоначально в новых условиях секретарь по-прежнему отвечал за их подготовку и сам, возможно, при помощи клерков доставлял их в Личную палату, переправляя затем подлежащие скреплению Большой королевской печатью бумаги обратно в Канцелярию. При этом грум мантии не только сортировал доставленные документы, но и в определенной последовательности подносил их на подпись монарху.

Значительный рост объемов официального делопроизводства при Генрихе VIII способствовал перераспределению полномочий между секретарем и грумом мантии. Из-за известной неприязни короля к «бумажной работе»⁶⁹ значительная часть государственных документов стала визироваться без его непосредственного участия. Для этого был учрежден пост специального клерка палаты, который, владея навыками каллиграфии, воспроизводил на официальных бумагах образцы подписи монарха, которые хранил на отдельных листах грум мантии. При этом отбор соответствующих бумаг и предназначавшихся для них вариантов подписи осуществлялся совместно секретарем и грумом. При Кромвеле такие клише были заменены факсимильной печатью (dry stamp). Оставшаяся на хранении у грума мантии, она оперативно использовалась одним из двух деливших должностные обязанности секретаря клерком (chef de chamber)⁷⁰. Тот не только визировал ею предназначавшиеся для этого бумаги, но и вносил подтверждающую такое действие краткую запись в учрежденный для этих целей регистр Личной палаты (docket book)⁷¹. Наличие такой записи считалось необходимым условием для их

⁶³ HLP. Vol. IV. Pt. I. P. 2002.

⁶⁴ The Privy Purse Expenses of King Henry VIII / Ed. by N. Nicolas. London, 1827.

⁶⁵ Elton G. The Tudor Constitution. Cambridge, 1960. P. 142–143. – О сохранении тенденции при «малых» Тюдорах см.: Hoak D. The History of Tudor Court: the King's Coffers and the King's Purse, 1542–1553 // The Journal of British Studies. 1987. Vol. 26. N 2. P. 208–231.

⁶⁶ Elton G. The Tudor Revolution in Government. Cambridge, 1953. P. 56–59.

⁶⁷ Otway-Ruthven J. The King's Secretary and the Signet Office in the Fifteenth Century. Cambridge, 1939. P. 39.

⁶⁸ Starkey D. Court and Government... P. 46–48.

⁶⁹ HLP. Vol. III. Pt. II. P. 1399.

⁷⁰ HLP. Vol. IX. P. 905.

⁷¹ Ibid. Vol. XI. P. 227; Vol. XII. Pt. I. P. 1315; Vol. XIII. Pt. I. P. 332; Vol. XIV. Pt. II. P. 201.

передачи в Канцелярию и, следовательно, являлось обязательной формальностью для инициирования любого центрального делопроизводства.

Развитие различных форм внутрикамерального администрирования в системе центрального управления не только мобилизовало оставшийся нерастроченный потенциал придворных «матричных» институтов, но и свидетельствовало о сохранении патримониальных основ верховной власти и о известных недостатках ее публично-правовых проявлений⁷². Солидарные механизмы использования внутрикамеральных методов администрирования, как правило, могли переплетаться с ограничивающими и персонифицирующими их инструментальную базу стратегиями. При этом реанимировались характерные для куриальной стадии развития королевского двора варианты прямого делегирования полномочий, заменявшие или оттеснявшие любые опосредованные самой системой центрального управления должностные назначения. Содержание таких стратегий усложнялось формирующимися представлениями о «физическом» и «политическом» теле короля, определяя оттенки складывавшихся таким образом предпочтений верховной власти.

Отношение к титулам знати как частицам корпоративного титула короны⁷³ позиционировало отличавшихся благородным происхождением джентльменов Личной палаты как «жемчужин», украшавших «естественное» тело короля. В повсеместно присутствующем акценте на их почти «интимной» пространственно-физической близости к государю угадывались черты, определявшие особую форму доверительных связей с монархом. При таком подходе занимаемые джентльменами должности могли восприниматься как атрибуты, а с учетом популярных в то время неоплатонических спекуляций и как акциденции «политического» государева тела, выражавшие полноту и непосредственный характер связанных с ними полномочий. Оставаясь одновременно необходимым и достаточным условием, подобные близость и полнота определяли отношение к джентльменам палаты как особому королевскому «*manrede*»⁷⁴ – особому сообществу верных слуг и единомышленников.

Возрождение ушедших в прошлое традиций королевской свиты накладывало известный отпечаток на всю систему должностных назначений джентльменов за пределами придворного пространства. Очевидно, можно говорить о существовании некой градации, влиявшей на характер большинства «первичных» некамеральных продвижений. Наиболее частым было использование джентльменов в качестве стюардов домениальных владений короны, а затем и конфискованных церковных земель⁷⁵. При этом, как правило, особая привлекательность таких должностей определялась потенциальными возможностями формировать за счет местных ресурсов ливрейные свиты короля и обеспечивать тем самым любые формы прямого военного или «полицейского» контроля⁷⁶. Генрих VIII активно использовал таких стюардов для активизации различных звеньев крайне не развитой местной администрации, назначая их мировыми судьями и шерифами в графства⁷⁷, развивал характерные для ренессансных дворов Европы формы «камеральной» дипломатии⁷⁸.

⁷² Впервые такие наблюдения были сделаны на французском материале (Хачатурян Н. А. Сословно-представительная монархия во Франции XIII–XV веков. М., 1989. С. 169–181), а затем вписаны в более широкий историко-культурный контекст (Она же. Власть и общество... С. 8–14, 169–178).

⁷³ Федоров С. Е. Пэрское право: Особенности нормативной практики в Англии раннего Нового времени // Правоведение. 1996. № 2. С. 112.

⁷⁴ HLP. Vol. XIII. Pt. I. P. 505. – Весьма показательно, что учрежденный в ходе камеральных реформ 1539–1540 гг. институт королевских гвардейцев также воспринимался как особая часть королевского «*manrede*» и формировался в основном из ресурсов Личной палаты монарха (HLP. Vol. XIX. Pt. II. P. 524).

⁷⁵ HLP. Vol. XI. P. 580; Vol. XIII. Pt. I. P. 505; Vol. XIX. Pt. I. P. 275; Bernard G. The Rise of Sir William Compton, Early Tudor Courtier // English Historical Review. 1981. Vol. 96. P. 759–762.

⁷⁶ HLP. Vol. I. Pt. II. P. 1948, 2051, 2301; Vol. XI. P. 580.

⁷⁷ Starkey D. Intimacy and Innovation... P. 85–86.

⁷⁸ Известны имена по меньшей мере шести джентльменов, участвовавших в «камеральном» обмене между английским и

При всем многообразии известных вариантов привлечения джентльменов для службы вне двора начальная и конечная ступень их политической карьеры заведомо ограничивались внутренним пространством Личной палаты короля, составлявшей социальное ядро раннетюдоровской придворной организации. Тенденция к укрупнению социальных и административных функций палаты будет сохраняться вплоть до кончины Эдуарда VI⁷⁹, затем в условиях женского правления она заметно ослабеет⁸⁰, но уже при Якове I Стюарте обретет ранее неизвестные, но не менее выразительные формы⁸¹.

французским дворами. Каждый из них, пребывая достаточно длительное время в ближайшем окружении иностранного государя, как правило, становился членом его ближайшего окружения и наравне с другими исполнял различного рода обязанности, оставаясь при этом посланником своего монарха (HLP. Vol. III. Pt. I. P. 111, 246; Vol. III. Pt. II. P. 641, 3360, 3434). Помимо этого, джентльмены успешно внедрялись в состав дипломатических миссий, зачастую оттесняя юристов и клириков, по обыкновению, доминировавших в посольствах, или же образуя совместно с ними очень эффективные тандемы. – Об этом более подробно: Starkey D. Representation through Intimacy // Symbols and Sentiments / Ed. by I. Lewis. London, 1977. P. 82.

⁷⁹ Об этом более подробно: Loades D. Intrigue and Treason. The Tudor Court, 1547–1558. London, 2004. P. 1–81; Murphy J. The Illusion of Decline: The Privy Chamber, 1547–1558 // The English Court... P. 71–119.

⁸⁰ Wright P. A Change in Direction: the Ramification of a Female Household, 1558–1603 // The English Court... P. 119–147.

⁸¹ См. об этом раздел, написанный В. С. Ковиным.

Морфология власти: королевский двор в институциональном пространстве английской монархии

Е. В. Бакалдина
Департаменты, службы и
должности в хаусхолде Эдуарда IV

Оформление четких представлений о функциональной значимости королевского двора в его английском варианте совпадает со временем правления Эдуарда IV и материализуется в первом сохранившемся до наших дней регламенте двора, широко известном под названием «Черная книга Эдуарда IV». Данный регламент служит источником для реконструкции структуры королевского хаусхолда, его департаментов и обязанностей слуг.

Регламент «Черная книга Эдуарда IV»

Несмотря на то что регламент «Черная книга Эдуарда IV» дважды издавался (в 1790 и 1959 гг.), он практически не изучен; до сих пор не выяснено, кто является его автором или составителем, а также точная дата его написания. Главная трудность для ответов на эти вопросы — это отсутствие протографа⁸², которое частично компенсируется наличием двенадцати более поздних списков, среди которых на данный момент историками не выявлено четкой преемственности. Общепринято считать, что протограф регламента исчез еще в 1610-х гг.⁸³

Большая часть списков (из изученных нами семи⁸⁴ — пять) имеет название «Черная книга», написанное либо в английском варианте — «*Black Book*», либо в латинском — «*Liber Niger*»⁸⁵. Термин «*Liber*» имел два значения: интеллектуальное (*liber* = работа, труд) и кодикологическое (*liber* = кодекс, переплет)⁸⁶. Скорее всего, в данном случае речь идет о втором значении, так как прилагательное «черный» указывает на материал, из которого сделан переплет. Очевидно, придворный регламент получил свое название от черного цвета переплета, что было достаточно распространенным явлением в средние века (известно о «Черной книге Казначейства», «Черной книге Ордена Подвязки» и др.)⁸⁷.

⁸² Один из переписчиков упоминает, что видел оригинал (или слышал от кого-то о нем): «*Certaine Latine Sentences with a picture of the King of England sitting at his Table, placed before the Black Booke of the Kings Household, as they are found placed at the beginning of the Originall Booke it selfe*». — См.: British Library. Harley. Manuscripts. 642. f.1v.

⁸³ Myers A. R. Introduction // *The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1478* / Ed. by A. R. Myers. Manchester, 1959. P. 52.

⁸⁴ The National Archives. Public Record Office. Exchequer. Treasury of receipt. Miscellany Book. 36/230; The National Archives. Public Record Office. Lord Steward's Department. 13/278; British Library. Additional Manuscripts. 21/993. ff. 55-130v; British Library. Harley Manuscripts. 293. ff. 1-18 v; British Library. Harley Manuscripts. 369. ff. 1-55; British Library. Harley Manuscripts. 610. ff. 1-50; British Library. Harley Manuscripts. 642. ff. 1-129.

⁸⁵ *The Black Book of Household of Edward IV* // *The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1418*. P. 16. (Далее — BB).

⁸⁶ Dolbeau F. Noms de Livres//Vocabulaire du livre et de l'écriture au Moyen Age. Actes de la table ronde Paris 24–26 septembre 1981/Ed. par O. Weijers. Turnhout, 1989. P. 83.

⁸⁷ Barkly H. Remarks on the Liber Niger, or Black Book of the Exchequer // Transactions of the Bristol and Gloucestershire Archaeological Society. Vol. XIV. 1889–1890. P. 285–320; Antis J. The register of the Most Noble Order of the Garter, usually called the Black Book. London, 1124.

Скорее всего, такое название было дано одному из последующих списков рукописи, а не протографу. Одним из доказательств этого может служить отсутствие какого-либо названия в ряде списков, которые нам удалось изучить. Так, в одном из них текст регламента сразу начинается словами «*Domus Le magni...*»⁸⁸, а в другом текст называется «*Domus Regis Angliae 1 E 4.*»⁸⁹. Сомнительно, что переписчик просто пропустил слова «Черная книга» по невнимательности или специально, и, вероятнее, само название появилось позже. Косвенным свидетельством этого является рукопись *British Library. Harley Manuscripts. 293*, имеющая фразы, в которых фигурирует название «*Liber niger domus Regis in custodia...*» в начале текста и «*Hactenus exLibro nigro domus Regis*» – в конце, вписанные другим почерком и другими чернилами⁹⁰. Речь идет не о рубриках, а именно о вписанных позднее словах. Места под эти вписывания не было, и они были сделаны мелким убористым почерком. Схожая ситуация наблюдается с более поздним дописыванием названия в рукописях *British Library. Harley Manuscripts. 369* и *British Library. Harley Manuscripts. 610*. Как представляется, название «Черная книга» появилось позже, когда один из списков был переплетен черным материалом. Более того, этот кодекс содержал не только список текста регламента, но и другие документы, относящиеся к хаусхолду, среди которых – провизии 1471 и ордонанс 1478, а также ордонанс Генриха VII. Тот факт, что в списке *British Library. Harley Manuscripts. 610* рядом с добавленным названием стоит дата «1623», написанная тем же почерком, позволяет предположить, что название «Черная книга» для текста регламента двора Эдуарда IV уже с этого времени стало распространенным, и именно под этим названием регламент известен сейчас.

Все из изученных нами семи списков являются не единственными текстами в переплетенных кодексах. В четырех случаях⁹¹ в кодексы вместе со списками регламента включены другие документы, связанные с деятельностью хаусхолда, – ордонансы Эдуарда IV 1478 г. и Генриха VII. Данная подборка текстов говорит о заинтересованности заказчика в сохранении собрания придворных текстов для последующего использования. Один из кодексов⁹² содержит очень разные по своему содержанию тексты – регламент, описания процедур парламента и пр.

Значимым вопросом является выяснение того, что собой представляет «Черная книга Эдуарда IV». Некоторые историки полагают, что это трактат. В Англии XV в. слово «*treaty*» еще не употреблялось, но использовались несколько однокоренных слов. Во-первых, «*trete*», происходящее от французского слова «*traite*» – «трактат, научное сочинение», употреблялось с XIII в.⁹³ Во-вторых, «*tretis*» – тоже известное с XIII столетия слово, означавшее либо трактат, либо короткую поэму⁹⁴. В-третьих, «*tretyng*» – «трактат», получило распространение в течение XV в.⁹⁵ Все перечисленные термины берут начало от латинского слова «*tractatum*», «дидактическое произведение, в котором автор рассматривает предмет или группу предметов в систематической манере»⁹⁶. В русской традиции «*tractatum*» имеет несколько другое значение – «это

⁸⁸ The National Archives. Public Record Office. Lord Steward's Department. 13/218. fol. 1.

⁸⁹ British Library. Additional Manuscripts. 21/993. fol. 55v.

⁹⁰ British Library. Harley Manuscripts. 293. ff. 1.r. 18.v.

⁹¹ The National Archives. Public Record Office. Exchequer. Treasury of receipt. Miscellany Book. № 230. E 36/230; The National Archives. Public Record Office. Lord Steward's Department. 13/278; British Library. Harley Manuscripts. 610; British Library. Harley Manuscripts. 642.

⁹² British Library. Additional Manuscripts. 21/993.

⁹³ Stratmann F. H. A Middle-English Dictionary containing words used by English writers from the twelfth to the fifteenth century / Ed. by H. Bradley. Oxford, 1891. P. 620.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ The Promptorium patvulorum. The first English-Latin Dictionary. C. 1440 A.D. / Ed. by A. L. Mayhew. London, 1908 (EETS. extra ser., Vol. CII). P. 502.

⁹⁶ Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue franqais. Paris, 2004.

научное сочинение в форме рассуждения, часто полемически заостренного, ставящего своей целью определить подход к предмету»⁹⁷.

Необходимо отметить, что регламент состоит из рассказов о двух департаментах— *Domus Regie Magnificencie* и *Domus Providencie*⁹⁸. При публикации А. Р. Майерсом текст был разделен на 92 параграфа, содержащие каждый отдельный сюжет: историю становления английского королевского хаусхолда (§ 2–1), теорию предпочтения титулов и их иерархию (§ 11–28), а далее перечень должностей с пояснениями к ним (§ 29–92). Однако речь идет не о сплошном повествовании, поскольку включены целые фрагменты старых ордонансов хаусхолда и расчеты довольствий. Именно последнее и заставляет историков сомневаться в правомерности именованного «Черной книги» трактатом.

То же самое обстоятельство позволило французской исследовательнице С. Касань-Броке предложить называть «Черную книгу» «компиляцией ордонансов английского королевского хаусхолда»⁹⁹. «Ордонансом – от латинского слова *ordination*—называется акт власти, имеющий общий и торжественный характер»¹⁰⁰. В самом тексте «Черной книги» то, что называется сейчас ордонансами, именуется статутами: «*by the statute of noble Edward*» или «*old statutez or new of Ingland*»¹⁰¹. Редакторы одного из современных словарей предлагают такое толкование этого понятия: «статут – это письменный акт, определяющий общество, ассоциации, имеющий определяющий характер, средства и правила функционирования»¹⁰², а в русской традиции – «название закона в Англии и ряде других стран»¹⁰³. Таким образом, термины «статут» и «ордонанс» были близки по своему значению, по крайней мере, не для специалистов, а для простых обывателей XV столетия. Тем не менее, как бы ни было заманчиво называть книгу «компиляцией ордонансов» (статутов), это не вполне корректно, так как в нее включены еще и другие фрагменты, не имеющие отношения к законодательным актам. Речь идет о цитатах из различных трудов авторов античности или из произведений Отцов Церкви. При этом иногда эти цитаты достигают нескольких страниц, как в случае с Фомой Аквинским и его определением термина «*domus*» в параграфе 68. Вследствие этого зачастую историки предпочитают не говорить о «Черной книге» как о цельном произведении, а характеризуют ее как «документы и наброски с предложениями по обустройству хаусхолда, скомпилированные в 1471–1472 годах»¹⁰⁴.

Другие историки, такие как К. Мертез, вообще предпочитают не давать конкретное определение жанра «Черной книги». Она предлагает подразделять все документы, касающиеся хаусхолда, на три группы: расчеты, ордонансы и описания, в результате «Черная книга» попадает в последнюю категорию¹⁰⁵.

Что касается более ранней традиции, то там использовались несколько терминов для определения статуса «Черной книги». Издатели XVII в. предпочитали говорить о «Правилах и порядке для управления хаусхолдом»¹⁰⁶. Оба эти термина отсутствуют в средневековых словарях. Однако известно, что термин «*ordre*» означает норму, соответствие закону, а английское

⁹⁷ Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 502.

⁹⁸ ВВ. § 8–66. Р. 86–141; § 61–92. Р. 141–191.

⁹⁹ Cassagnes-Broquet S. Edouard, Richard et Marguerite: les princes de la maison d'York et les artistes flamands en Angleterre // РСЕЕВ. Vol. XLIV. 2004. Р. 145.

¹⁰⁰ Vocabulaire international de la diplomatie / Ed. by M. Carcel. Valencia, 1991. Р. 102.

¹⁰¹ ВВ. § 21. Р. 100; § 64. Р. 140.

¹⁰² Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire...

¹⁰³ Словарь иностранных слов. С. 411.

¹⁰⁴ Chibnall M. Review: The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1478/ Ed. by A. R. Myers. Manchester, 1959// ECHR. 1960. Vol. XX. № 2. Р. 341.

¹⁰⁵ Mertez K. The "Liber Niger" of Edward IV: A New Version // BIHR. 1981. Vol. LIV. № 129. Р. 29.

¹⁰⁶ British Library. Harley. Manuscripts. s. 642. f.1a.

слово «rule»¹⁰⁷ соотноситься с французским «regle», и именно этот корень используют в XVIII в. издатели «Черной книги», называя ее «regulation»¹⁰⁸. Так появился корень «regl-», от которого впоследствии вывели производное «reglement», означающее «свод правил, который определяет круг вопросов, относящихся к какой-либо группе и уточняет функционирование ее организации»¹⁰⁹. Этот термин достаточно широкий и включает в себя не только описание чего-либо, но и фрагменты других произведений. В основном, данное понятие используется в отечественной историографии, в английской для XV в. его не применяют, во французской лишь у Ж. Геро, главного хранителя Национального архива, встречается замечание о том, что документы двора подразделяются на ордонансы, регламенты и счета¹¹⁰, а так как «Черная книга» не является ни ордонансом, ни счетом, то она автоматически относится к категории регламентов.

Кроме термина «регламент», отечественные историки говорят также о «служебных инструкциях для обладателей придворных должностей, о всевозможных “правилах” придворной жизни, “журналах”, куда заносили имена принятых ко двору лиц с указанием положенных им окладов»¹¹¹. М. А. Бойцов предпочитает называть такого рода документы «придворными распорядами» (оставляя словосочетание в кавычках), переводя с немецкого принятое в историографии понятие «Hofordnungen»¹¹². Нам кажется, что термин «распорядок» также хорошо подходит для характеристики «Черной книги Эдуарда IV», как и понятие «регламент».

Одним из самых существенных вопросов при изучении регламента является его целостность. Очевидна незавершенность текста регламента: наиболее полная версия содержится в списке *Society of antiquaries. Manuscripts. 211*, которая, тем не менее, обрывается на параграфе о службе прачечной. Другие списки обрываются на параграфах о пекарне¹¹³, о Счетной палате¹¹⁴. Кроме того, переписчики порою меняли последовательность параграфов: так, в рукописи *British Library. Harley. Manuscripts. 293* параграф о прачечной записан ранее параграфов о кладовой свеч и кондитерской, которые в других рукописях расположены до него. В-третьих, копиисты могли, очевидно, по своему желанию или же по велению заказчика опускать параграфы или их части. Так, в списке *Cambridge County Record Office. at Huntingdon. Manuscripts. DDM 64* начальные строки параграфа о королевском враче и параграфа о пекарне опущены. Возможно, в каждом конкретном случае переписывались только те части, которые считались необходимыми на тот момент. В связи с подобной выборочностью возникает вопрос: существовали ли параграфы о других службах, которых на данный момент нет в найденных списках. Например, рассказы о службах Холла или кухни: на протяжении всего текста они достаточно часто упоминаются¹¹⁵, что дает возможность предположить, что далее им были посвящены отдельные части. Вследствие этого остается нерешенным вопрос о том, была ли «Черная книга» не закончена или же некоторые ее части и само окончание были утеряны со временем.

¹⁰⁷ Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire...

¹⁰⁸ A Collection of the Ordinances and Regulations for the government of the Royal Household; made in diverse reigns from king Edward III to king William and queen Mary, also receipts in ancient cookery. London, 1790.

¹⁰⁹ Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire... – См.: Словарь иностранных слов. С. 422: «правила, регулирующие порядок какой-либо деятельности, например регламент собрания».

¹¹⁰ Guerot J. L'hotel du roi au palais de la Cite a Paris sous Jean II et Charles V // Vincennes: aux origines de l'etat moderne: Actes du colloque scientifique sur les Capetiens et Vincennes au Moyen Age / Ed. by J. Chapelot, E. Lalau. Paris, 1996. P. 267.

¹¹¹ Бойцов М. А. Порядки и беспорядки при дворе графа Тироляского // Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., СПб., 2001. Вып. 1. С. 93.

¹¹² Бойцов М. А. Порядки и беспорядки... С. 93.

¹¹³ British Library. Harley. Manuscripts. 293. f. 18 v.

¹¹⁴ Ibid. 369. f. 56 v.

¹¹⁵ Церемониймейстеры Холла (ВВ. § 86. Р. 183), привратники Холла (Ibid. § 30. Р. 110). Упоминания кухни: ВВ. § 34. Р. 113–114; § 75. Р. 154–156; § 79. Р. 165–169.

Вопрос об авторстве регламента также остается нерешенным, поскольку отсутствует информация об авторе (авторах) или составителе (составителях). Нет достоверных сведений и о том, кто являлся инициатором составления книги – монарх и высшие придворные чины с целью регламентации порядков в хаусхолде или кто-нибудь из ординарных слуг хаусхолда, чтобы обозначить или оговорить свое место в придворных структурах и очертить круг обязанностей и полагающееся довольствие.

В самом регламенте есть строчки, где перечислены люди, названные советниками при составлении регламента: «По совету лордов церковных и светских, кардинала и архиепископа Кентербери, Джорджа, герцога Кларенса, Ричарда, герцога Глостера, мудрых и честных судей, и других знающих, разумных и образованных людей Англии»¹¹⁶. Названные поименно лица входили в родственный круг короля. Пост архиепископа Кентербери в это время занимал Томас Бушье (1411–1486), младший брат Генри Бушье, графа Эссекса, дяди короля, благодаря своему браку с Изабеллой Йоркской. Таким образом, с одной стороны, кардинал входил в йоркскую королевскую семью, а с другой – долгое время был советником предшественника Эдуарда Генриха VI, занимая должность канцлера Англии с 1454 г. Томас Бушье сделал многое для возвращения Эдуарда после кратковременного восстановления династии Ланкастеров на английском престоле, чем, несомненно, заслужил как доверие короля, так и честь быть занесенным в список ближайших советников. Появление фигуры Джорджа (1449–1478), герцога Кларенса, в списке советников тоже легко объяснимо: он был не только братом короля, но и человеком, который разбирался сам или имел советников, сведущих в вопросах придворной жизни: в 1469 г. были составлены ордонансы его герцогского двора¹¹⁷. Третий персонаж, Ричард (1452–1485), герцог Глостер, младший брат короля, являлся все время верным сторонником Эдуарда, сопровождал его в изгнании и считался одним из самых талантливых полководцев.

Можно предположить, что все трое могли принимать участие в подготовке составления «Черной книги». Тем не менее, нельзя отвергать возможность того, что указание их имен было просто данью традиции, согласно которой родственники короля априори должны были привлекаться к королевским делам. Примером подобного служит хартия 1461 г., дарованную Лондону Эдуард IV и его «советниками» Кларенсом и Глостером, которым было в то время по 13 и 8 лет соответственно¹¹⁸.

Поэтому есть основания предположить, что именно «другие знающие, разумные и образованные люди Англии» писали сам текст. Говоря о них, необходимо отметить два момента: во-первых, вероятно, они не занимали высокого положения, а, во-вторых, их можно скорее назвать не авторами, а составителями текста, так как «Черная книга» была скомпилирована из различных более ранних источников. Не вызывает сомнения тот факт, что эти люди принадлежали к королевскому двору, поскольку они знали во всех подробностях функционирование хаусхолда. Кроме того, как правило, подобные вещи составлялись слугами двора, например, церемониймейстер герцога Бургундского Оливье де ла Марш стал автором трактата по функционированию двора. Конкретные имена нам не известны, поэтому историки могут лишь строить предположения.

¹¹⁶ ВВ. § 9. Р. 86–87.

¹¹⁷ A Collection of the Ordinances.... Р. 89.

¹¹⁸ The Historical charters and constitutional documents of the City of London/Ed. by W. Birch. London, 1887. Р. 84.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.